

The background of the cover is a digital illustration. It depicts two characters from behind, standing in a dark, dilapidated environment. The character on the left is wearing a long, dark brown trench coat and a backpack, holding a handgun. The character on the right is wearing a green tactical uniform with a large backpack. They are both looking towards a bright, glowing blue and green portal or opening in a crumbling wall. The scene is filled with debris and has a cinematic, sci-fi feel.

Сергей Вольнов

[ЗОНА БУДУЩЕГО]
ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

Апокалипсис-СТ

Сергей Вольнов

Новая Зона. Прыжок в секунду

«АСТ»

2013

Вольнов С.

Новая Зона. Прыжок в секунду / С. Вольнов — «АСТ»,
2013 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-079675-5

По определению, «зона» – это ограниченное, замкнутое пространство. Территория внутри каких-нибудь границ, полоса между двумя линиями или пояс вдоль какой-то черты. Также зоной называется пространство с характеристиками, общими для всей этой области... Вот почему она просто обречена была так называться. Смертельно опасная, хаотически изменяющаяся среда обитания, неведомо как возникшая и неясно где расположенная, набитая всеми грехами мира. Вырваться из которой – почти невозможно... Нормальные люди по собственной воле ни за что не захотят оказаться внутри такого воплощенного кошмара, ни за какие сокровища мира! Но рано ли, поздно ли может наступить роковое время, когда территория бурлящего аномального хаоса уже не будет предварительно «спрашивать» реальных, живых людей: желают или не желают они в ней оказываться? И чтобы выжить, им придется невольно становиться ее «сталкерами». Но в этом хаосе также наверняка могут появиться и люди, для которых быть сталкером без всяких кавычек – не вынужденная необходимость, а жизненный путь, раз и навсегда определенный. Ведь это стало их судьбой не здесь и в другое время. Задолго до появления в этой зоне...

ISBN 978-5-17-079675-5

© Во́льнов С., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Первая часть пути: «Под смертельный отсчет»	8
Пролог (начало)	8
=0=	8
Период «Один»	9
=1=	11
=2=	14
=3=	19
=4=	22
=5=	29
=6=	35
=7=	40
=8=	44
=9=	47
=10=	53
Период «Две»	56
=11=	58
=12=	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Вольнов

Прыжок в секунду

© С. Вольнов

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается тем, кто проснулся бы...

*В будущем обязательно придет день, когда самое ужасное настоящее покажется старыми добрыми временами...
Кто-то очень верно подметил*

*Если не знаешь, чего хочешь, умрешь в куче того, чего не хотел...
Оознано многими,
а сформулировал Чак Паланик*

*...в мягчайшую грязь
я сейчас ложусь,
и буду счастлив,
пока не проснусь...*

Чьи-то стихи

Человек притаился в глубине прохода между полуразрушенными домами.

Ожесточенная стрельба уже прекратилась. Его миротворческие усилия привели к тому, что охотники за телами убрались отсюда. Теперь, не выходя из тени, он всматривался в ту часть руин, что располагалась напротив, через улицу.

Когда-то человека прозвали Несси. Это имя досталось ему в наследство от прошлой жизни. И он не отказался так именоваться, очутившись здесь и сейчас. О том, что было раньше, человеку вспомнилось многое, но далеко не все. Он даже не испытывал полной уверенности, что та жизнь являлась прошлой в прямом смысле слова.

И еще Несси очень хотелось бы узнать: он «весь вышел» оттуда? Или просто скопирован, продублирован сюда. А оригинал тоже существует. Где-то, как-то, когда-то... каким-нибудь образом, параллельно.

Главное, что в его памяти уцелели многие знания и умения, которые очень пригодились в этой, будущей жизни. Поэтому Несси удалось найти занятие, наполнившее ее реальным смыслом. Не очень давно он почувствовал и выбрал себе новую цель. Затем прокрадывался за очередными потенциалами, тайно преследуя их.

Так делал его старший напарник. Точно так же выслеживал и он сам. Раньше, множество раз. Не показываясь на глаза до поры, до времени. Выжидая, пока случится наиболее подходящий момент.

Ловчему желаний совсем не требовалось учиться скрытному преследованию. Пусть он и утратил немало воспоминаний, но основные боевые навыки сохранил. А это был чуть ли

не первый «предмет», по которому в свое время ему пришлось сдавать условный экзамен. И оценивал его умения незабытый, не утонувший во тьме беспамятства сталкер Луч. Наиболее строгий из наставников по курсу выживания в среде обитания, далекой от нормальной.

Зона ведь на то и Зона, даже если она вроде бы совершенно другая и расположена не тогда и не там, где существовала «прошлая». Сталкеры же... они сталкеры и есть, какими бы другими словами ни звались.

Хотя здесь, по правде говоря, кое-где ходить было гораздо сложнее, чем по самым трудным участкам отчужденки, канувшей в прошлое. Та незабвенная «черная быль» иногда выглядела просто аллеей для детских прогулок. Если сравнить ее с некоторыми пройденными секторами новой, будущей Зоны.

К этому периоду Несси уже некоторое время следовал за теми, кого обнаружил в очередной раз. И вот наконец-то решил выйти из тени.

Поэтому сталкер дождался подходящего случая и успешно отогнал ненужных свидетелей. Затем переместил за спину тяжелую винтовку системы «Барретт», которую по случаю раздобыл и здесь. Вынул из набедренного кармана запасную футболку, шагнул вперед, поднял руку и энергично замахал подобием белого флага.

Первая часть пути: «Под смертельный отсчет»

Пролог (начало)

Желанная цель только казалась совсем близкой! Дверной проем находился всего лишь в десятке метров, но с таким же успехом вход мог бы располагаться на другом конце света.

Стоило высунуть хотя бы краешек шлема, и длинные автоматные очереди мгновенно прошивали воздух, вечно сырой от постоянно морсящего дождя.

Пули, злобно шелкая, впивались в кирпичи толстой стены, крошили обожженную глину и оставляли в ней рваные углубления. Кирпичные осколки разлетались во все стороны, и часть из них попадала на плечи, спины и шлемы. Отгрызенные от стены кусочки постукивали по спрятавшимся людям, будто сбивчивой морзянкой передавая от пуль угрожающие телеграммы.

Впрочем, для того чтобы щедрые порции смертоносного металла поступали без задержек, даже высовываться не требовалось. Автоматы преследователей и без того не умолкали. Били резкими короткими очередями, словно напоминая и угрожая: никуда не денетесь, скоро достанем и прикончим!

Выстрелы загнали в ловушку двоих людей. Теперь они скрывались за кучей строительного мусора и обломков, в который превратились обрушенные верхний этаж и крыша дома. Пути отступления им перекрыли упорные преследователи. Вот по этой причине было совершенно невозможно выскользнуть из тупика, образованного грудой кирпичей и остатками стены первого этажа. Разве что проламываться сквозь эту стену.

Но люди, загнанные в ловушку, не просто так оказались здесь. Они целенаправленно добивались сюда. Потому что стремились войти именно в этот дверной проем...

=0=

*«...три=одинадцать=пять=девять=
две=четырнадцать=пятнадцать=две=*

Секунда за секундой. Неумолимый и бесстрастный отсчет. Вот так без конца. Когда царит темнота. Когда мерцает свет. И когда тьма вновь торжествует. А затем снова брезжит свет, на самом деле – почти такой же непроглядный, как тьма. Всегда.

*восемь=шесть=тринадцать=сорок пять=
двадцать семь=четыре=две=двенадцать=*

Отсчет. Неровный, немерный, однако не исчезает никогда. Как биение сердца. Пульс сбивчивый, непредсказуемо меняющий темп, но постоянный. Главный признак жизни. Когда у живого не бьется сердце – отсчет секунд окончен... Прекратится отсчет, что будет? Что будет, если...

*пять=шесть=семь=тринадцать=две=
тридцать восемь=девять=восемь...»*

Период «Один»

Мотор ожил и лязгающим рокотанием сообщил о готовности начать движение. Громоздкая машина была похожа на гибрид колесного трактора, танка и мусоровоза. Теперь она вздрагивала, словно ожидала с нетерпением, когда будут отпущены тормоза. Кто ее соорудил, откуда она взялась в зарослях, – не получилось узнать. Внутри не обнаружилось никаких четких следов бывших хозяев вроде забытых комбинезонов с записными книжками в карманах. Впрочем, узнавать происхождение машины было и незачем.

Главное, что криво сляпанная, ребристая, угловатая конструкция, как будто выехавшая с экрана боевика в духе «Безумного Макса», подошла как нельзя лучше. Она казалась способной передвигаться и как-то защищать своих ездоков от опасностей. Новые хозяева наткнулись на эту металлическую каракатицу случайно, понятия не имели, чья она была и для чего сделана.

Люди, погрузив свои припасы, забрались внутрь и уже занимали сиденья, готовясь отправиться в путь. Переднее кресло водителя занял мужчина в черном комбинезоне, похожем на полевую форму танкиста, и старой, потертой кожаной куртке. Возрастом лет тридцати пяти, не больше, но с прямыми темными волосами, уже заметно тронутыми проседью, и бородой, которую седина тоже не поскупилась выбелить. Снаружи, за бортом, глаза бородача скрывали «капли» со стеклышками грязно-бурого оттенка. Когда он влез в кабину, занял водительское место и снял солнцезащитные очки, на лице мужчины появилось такое выражение, что стало ясно: ему не обязательно прикрывать глаза стеклами мрачного цвета, чтобы увидеть окружающий мир в далеко не радужных тонах.

За спиной водителя, в кормовой части длинной узкой кабины, на продольной скамье устроилась его спутница, худенькая и невысокая. Походная одежда не сумела полностью скрыть изящную, стройную женскую фигурку, но одеяло, которым она укуталась, превратило ее в бесформенный куль. Несмотря на то что сейчас за бортом, снаружи, было светло и в джунглях царила неслабая жара – пассажирка мерзла. А может быть, спутницу водителя лихорадило.

Когда мужчина коротко произнес: «Поехали», – и отпустил тормоза, она высунула лицо из шерстяных складок и прокомментировала: «Давно пора».

– Формула «тише едешь, дальше будешь», Маленькая, для нас теперь не пословица предков, а девиз на щите. Хотя точнее будет сказать, на лобовой броне, ха. – Водитель ухмыльнулся, хотя в глазах его даже искорки веселья не блеснуло, и добавил: – Мы в танке.

– Я сделаю надпись на футболке, Большой, – пробормотала пассажирка. – Только бы мы когда-нибудь добрались до магазина, где они продаются...

Колесно-гусеничный монстр, подминая под днище кустарниковые заросли, с рыком пополз вперед.

Начиная путь.

Ни он, ни она не оглянулись, чтобы в последний раз уловить зрачками последнюю секунду прошлого, оставленную позади.

Так обычно поступают не потому, что оно надоело до тошноты и от него воротит. Люди не оглядываются, чтобы не сглазить. Мудрые предки также наставляют, что если позволить себе оглянуться и пожалеть – дороги не будет, оборвется, едва начавшись. Эти двое решились двинуться с места, переменить судьбу, и впереди их не ждало ничего, кроме страха неизвестности. Не стоило к нему плюсовать и страх совершенной ошибки.

Пока неизвестность не превратится в определенность, никому не дано знать, был сделанный выбор правильным или совсем наоборот.

...Мужчина, названный Большим, спросил:

– Согрелась? Не слабо тебя трясло.

– Это не от холода. Нервное, кажется. – Его спутница Маленькая уже стояла позади кресла водителя, крепко вцепившись кулачками в край спинки. – Сейчас лучше. Внутри кабины не то, что там...

– Я тебя предупреждал! Шляться по «зеленке» – удовольствие сомнительное. Даром я, что ли, сидел дома, носа не показывая без крайней нужды. Но ты молодчина, справилась... Ха, наверное, сказался новоприобретенный опыт экстремального выживания.

– Все шутишь... Даже не представляю, каким чудом тогда уцелела. Старалась не вспоминать, а сейчас как вспомню, так...

– Так и вздрогну, у нас говорят. Еще бы! Вот поэтому тебя и перетрясло не по-детски.

Водитель достал из внутреннего кармана куртки плоскую никелированную фляжку и через плечо, не оборачиваясь, протянул емкость спутнице.

– Глотни. Специально берег, для торжественного случая.

– Это что? – Пассажирка, пошатываясь в такт движению «танка», отцепила правую ладонь от края кресла и взяла флягу, но смотрела на нее с недоверием. – Ты же говорил, что спиртного не осталось ни капли.

– Если бы не сказал так, его и не осталось бы, – проворчал Большой. – Эта штука мне досталась в наследство. Тот, кто завещал, строго-настрого наказал, чтобы по случаю освобождения...

– Где ты его увидел? – перебила Маленькая. – Мы всего-навсего нашли средство передвижения, которое оказалось не мертвым. Повезло, не спорю, что это случилось раньше, чем я умерла от усталости и страха...

– Первый шаг, он трудный самый. Страх в себе побороть сложнее, чем внешний страх. Монстра можно пристрелить, взорвать или зарезать, ловушку или искривление почуять и обойти, а вот чем и как ты достанешь ту дрожащую тварь, которая притаилась внутри, и...

– Давай без философствования, ладно?! Я сама не прочь самокопанием заняться, ты уже знаешь это, но сейчас надо смотреть вперед и высматривать будущих монстров, а не поминать прошлых.

Пассажирка встала поустойчивее, чтобы ненароком не свалиться от очередного рывка, и отцепила от кресельной спинки вторую ладонь. Решительно отвинтила крышечку фляги, поднесла горлышко ко рту и, запрокинув голову, глотнула содержимого.

Шумно выдохнула, перевела дух, ошалело покрутила головой и сообщила:

– Настоящий скотч!

– Кто бы сомневался, вспоминая бывшего владельца. Держись! – Водитель вовремя притормозил, чтобы обогнуть скальный обломок на пару сотен тонн весом, неведомо как очутившийся в гуще зарослей и внезапно возникший чуть ли не перед колесами, и спутница поспешно схватилась за спинку кресла. – Ладно уж. Действительно, что это я разболтался? Еще минутка, и начнется веселье. Вот сейчас эта... э-э, маскировочная лесополоса кончится, выберемся и сразу окажемся на виду у всех.

– У кого?! Что за зверь такой – «всех»...

– О, это самый грозный зверь! У всех, кому не лень видеть и реагировать. Там открытая полоса, я знаю, и нам ее не обогнуть, по густой чаще на такой железяке далеко не уедешь, завязнем в дебрях! Или нарвемся! И без того судьбу искусили по полной программе, ни одной серьезной твари не встретилось... А по пустырю газанем на полном вперед, надеюсь, и проскочим! Ты на всякий пожарный рюкзак надень и оружие под рукой держи...

– На всякий какой?!

Рычание мотора, подстегнутого водителем, усилилось, и обоим приходилось уже почти кричать, чтобы услышать друг друга.

– На случай, если она спохватится! Вот обратит, зараза, внимание на наши телодвижения...

В этот момент самодельный, но вполне обороноспособный и мобильный «танк» выскочил на опушку массива «тропического» леса. В гуще которого и был внезапно найден двумя людьми, чудом уцелевшими в смертельно опасных дебрях этих самых джунглей.

И – началось!

=1=

*«...восемь=шесть=две=шесть=две=три=
семь=тринадцать=двадцать=восемь=
сорок девять=восемь=три=две=пять=*

Не знаю, сколько уже смен тьмы и света, то есть подобий суток, провел здесь. Точно так же я не имею понятия, сколько времени провели здесь мы... Все еще по привычке думаю «мы», хотя остался здесь совершенно один. В полном смысле один-одинешенек! Две тьмы-света тому назад Рубеж попытался перепрыгнуть Эл, и я лишился последнего товарища. Подобно всем прочим, что раньше его пытались преодолеть Рубеж, Эл исчез в ослепительной вспышке. И я остался один.

Один... Да, один на один с проклятым Счетчиком, по-прежнему бесстрастно отсчитывающим все те же безжалостные секунды. Один на один с машинальным безостановочным речитативом моей мысленной «считалочки», что рабски вторит непостижимому ритму пульсаций Рубежа. Пульсу, который улавливает и отображает Счетчик... *две=шесть=девять=восемь=три...* У-у-у, ч-черт его раздер-ри!..

Эти сдвоенные щелчки обозначают «прыжковые секунды», как мы их назвали. И они сводят меня с ума. Подобно тому как уже свели с ума всех остальных людей из нашей группы. Я стараюсь, изо всех остатков сил стараюсь не поддаваться соблазну, но ведь и остальные точно так же старались...

Их больше нет.

Нет их, нет, нет! Все, кроме меня, прыгнули, стремясь угодить в паузу. Желая угадать, когда в проеме Рубежа исчезает смертоносный клубящийся туман и на мгновение образуется чистое «окно» выхода.

Интервалы между паузами-окнами – и об этом нам стало известно благодаря Счетчику – делятся от двух до пятидесяти секунд. Проверено. «Мины есть!» – пошутил бы я, но шутить по адресу Рубежа меня абсолютно не тянет. Эл и Брайю соорудили нечто вроде датчика. Этот самодельный прибор регистрирует периоды прерывания в работе убийственного излучения Рубежа. Или чем он там является на самом деле, этот клубящийся туман в проеме.

Смерть исчезает именно здесь, непосредственно в месте, которое мы назвали Рубежом. Совсем ненадолго, на почти неуловимый миг, но исчезает. Значит, убраться отсюда – можно, без сомнения... Если прыгнуть вовремя.

Вот что ужаснее всего, на самом-то деле! Постоянно иметь перед своими глазами манящий соблазн. Видеть это издевательское напоминание, что шанс освободиться все-таки существует...

Благодаря датчику я имею возможность хоть до самой смерти любоваться бегущими по экрану дисплея цифрами, которые перемежаются парными черточками, похожими на математический знак «равняется». Этот символ графически имитирует сдвоенный щелчок, начало и конец паузы. Между ними промежуток, когда исчезает клубящийся туман. По задумке парней, соорудивших наш Счетчик, он обозначает именно ее, проклятую и вожденную прыжковую секунду.

=2=15=50=40=8=2=17=6=3=11=2=5= и так далее, без остановки.

Никому из наших так и не удалось понять систему. Никто не уловил суть алгоритма, по которому на секундочку исчезает сумрачный туман Рубежа. Открывая свободный выход

здесь, в маленьком кусочке пространства, который мы нашли и который снабжен датчиком, названным именем собственным: Счетчик.

Коварный соблазнитель Рубеж, который убил многих из нас.

«Системы просто-напросто нет», – сказала Олра. Затем надрывно, изнеможенно вздохнула и сделала один-единственный шаг.

Она не прыгнула сквозь чистое соблазнительное окно, на секунду появившееся вместо непроглядной туманной взвеси. Тяжелого волгло-серого тумана Рубежа, который непостижимым нами способом залит сюда и сконцентрирован в этом месте. Да, Олра не прыгнула туда, в некое подобие дверного проема, образованного тремя железобетонными плитами, будто нарочно сложенными в форме кривобокой, покосившейся буквы «П», что обрамили и обозначили его.

Олра просто устало шагнула...

*пять=три=две=четыре=девять=пять=
семь=одиннадцать=тринадцать=девять=
восемь=две=семь=пять=четыре...»*

* * *

Открытая местность протянулась вдаль, насколько хватало взгляда, и потому казалась макетом бесконечности. На ней не просматривалось ничего возвышающегося, будто здесь прогулялось стадо исполинских бизонов, смело все на своем пути и утрамбовало копытами почву. А потом, уже после того как по этой пустоши прокатилась бизонья волна, ровная поверхность поросла травкой. Невысокой, но плотной, сплетенной стеблями в сплошное ковровое покрытие.

И вот по этому подобию степи теперь необходимо было рвануть в иллюзию бесконечности. Светлой порой на открытой местности шансов выжить ощутимо больше, чем во тьме. В лабиринтах, дебрях и чащах эта разность масштабов опасности – меньше. Там разница между светом и тьмой вообще гораздо более условная. Везде ли оно так, мужчина за пультом управления «танком» не имел понятия. Но это было именно так в пределах округи, которая ему стала известной по предыдущим рейдам.

Большой сообщил об этом своей напарнице. Прямой курс в открытое море травянистых зарослей. И на полном – вперед!

Но стоило лязгающему, рычащему средству передвижения выскочить из джунглей, как сразу же появилась и погоня. Она словно бы не пожелала, чтобы стальной монстр вырвался на простор, и метнулась за ним из густой массы джунглей, похожих на серо-зелено-коричневые клубы дыма, не рассеивающегося никогда.

Вслед машине бросился живой монстр. Впрочем, точнее было бы сказать, что – скользнул. Потому что больше всего существо смахивало на гигантскую змею со множеством лапок, хотя из треугольной головы этой многоножки торчали уши, как у осла или зайца. При движении они раскачивались и рассекали воздух, как заправские сабельные клинки. Смертоносные лезвия метров трех длиной...

Тварь приближалась слишком быстро, и даже на форсированном режиме «танк» не мог оторваться от нее. Большой крикнул: «Не падай!!!» – и резко затормозил. Взрывая колесами и гусеницами глубокие борозды, разметывая во все стороны траву и землю, стальной монстр почти остановился и крутнулся, развернувшись на месте. Его лобовая броня смотрела прямо в морду приближавшейся исполинской гадине.

– Дай я! – воскликнула девушка.

Она цепко держалась за спинку кресла, и экстренное торможение не сбilo ее с ног. Теперь напарница водителя прыгнула к потолочному проему, который открывался в пяти-

угольный купол, грубо и криво сваренный из стальных плит. Орудие, смонтированное сверху, сложно было назвать артиллерийским, ствол как таковой у него отсутствовал. Сквозь переднюю бойницу торчала направляющая с чередой колец, прикрепленных к ней, и жгутовым сплетением кабелей снизу. Одним словом, гаусс-пушка, и она целилась прямо в пасть змеевидной многоножке с длинными ушами.

Дуэль получилась короткой, но яростной. Первый выстрел грохочущим огненным лезвием отсек левое ухо-саблю, хотя наводчица вряд ли хотела настолько ювелирно попасть в цель. Рев монстра был почти осязаем, и если бы мог сфокусироваться, то снес бы бронемашину, перевернул и опрокинул. Второй заряд, ревя не хуже монстра, поразил одноухую многоножку... прямо в раззявленную треугольную пасть, из которой уже высовывался извивающийся канат языка и тянулся, тянулся вслед убегающей жертве. Разогнанный до невероятной скорости огненный болид врезался в дыру, из которой язык высовывался, и голова ушастой змеегусеницы буквально лопнула, разлетелась на мелкие кусочки от точного попадания из электромагнитной пушки. Оставшееся ухо отделилось целиком и улетело вверх. Обезглавленное тело споткнулось на ходу всеми своими ножками и мигом отстало от машины, которая после выстрелов сразу двинулась прочь задним ходом.

– Да ты прямо снайпер, – спокойно констатировал мужчина, управляющий ею.

По расслабившемуся лицу видно было, что страшное напряжение только в эту секунду отпустило его.

– Повезло, – буркнула Маленькая, сползая из купола вниз, в кабину. – У страха глаза... меткие. Но вообще на охоте мне бывать приходилось. У нас дома места такие, всякое зверье попадает, даже волки...

– Эх-х, я бы сейчас не отказался побегать от обычных волков! – Большой мечтательно покачал головой.

Подчиняясь его рукам, бронированный монстр вновь развернулся кормой к джунглям и солидно рокотал двигателем, унося двух людей прочь от края «зеленки». Водитель не форсировал, но и не медлил.

– Посматривай там, сзади, – велел он. – Вообще теперь основная твоя задача – обозревать тыловые сектора и вовремя...

– Прикрою задницу, прикрою, – заверила напарница. – Поняла уж, что мне досталась роль хвостового стрелка.

– Спину, а не задницу. И спасать нам души надо, но не задницы. Да, правильно говорил Михаил Николаевич о кардинальной разнице менталитетов.

– Это кто? Один из твоих бывших товарищей по группе?

– Не-е... Это один известный писатель-сатирик из моей бывшей жизни. Бодрый мужчина и хороший товарищ, наверное, но не уверен, что обрадовался бы, доведись повстречать его здесь.

– Я бы точно не обрадовалась, встретив здесь любого из... прошлых знакомых. Как-то грустно сознавать, что и у них...

– Если бы это было самым тоскливым, что нам здесь пришлось осознать... Попытался бы твой родной и близкий тебя же пустить на фарш, вот бы ты повеселилась!..

– Я уже в курсе. Или самой убить его пришлось бы, или позволить себя перемолоть. Выбор тот еще.

– Да, черт возьми, выбор у нас небогатый. Или будь один, или верь в то, что тебе повезет встретить хоть кого-то, не переполненного желанием тебя сожрать. Но веря в лучшее, готовься к худшему. Точней, к самому худшему из всего, что мы вообще способны вообразить.

– Надеюсь, нам все-таки сейчас повезет. Там что-то странное приближается, – сообщила Маленькая; она в этот момент, выполняя задачу тылового обеспечения, выглядывала в смотровые окошки левого борта. – Смотри в направлении на семь часов.

Водитель глянул в одно из перископных зеркал заднего вида, которые не поленились установить неведомые строители этой эксклюзивной бронемашины, неведь где сооруженной, прежде чем стать коллекционным трофеем и угодить в сердце джунглей.

– Ну, вот и очередная тварь явилась по наши... задницы! – сказал мужчина веселым тоном, но в глазах его стыла тоска.

– Спины, спины. И души, – улыбнулась девушка, но и в ее глазах веселья не было ни малейшего...

Больше всего это смахивало на торнадо. Миниатюрное такое, всего лишь пару десятков метров ростом и диаметром с дерево в пару обхватов. Оно извивалось и приближалось. Прямо к несущейся по полю машине с двумя людьми внутри. Будто запущено было прямо в нее. А может, без всякого «будто»...

– Слишком быстро несется, мы не успеем. – Голос водителя звучал спокойно. Но сразу после этого он прикусил губу. Возможно, чтобы не застонать от бессилия.

Девушка едва слышно подтвердила:

– Да... И спрятаться негде.

Действительно, вокруг них расстелилась плоская, как ледовый каток, степь. И даже если там, за горизонтом, не бесконечность, а какой-нибудь дремучий лес, или скальный лабиринт, или развалины города... двое туда просто не успеют добраться вовремя. До того момента, как насланное «торнадо» настигнет их, схватит и закружит в объятиях смертельного танца...

– Вижу!!! – внезапно отчаянно вскрикнул Большой.

– Что?! Где?! – почти истерически вторила ему Маленькая. Выдержка в этот миг оставила ее, у девушки просто не хватило нервов и дальше пытаться сохранять видимость стоического спокойствия.

– Овраг вижу! Вот, вот, смотри... Расселина!

Напарница, лихорадочно осматривавшая тылы и фланги, метнулась по кабине вперед и посмотрела прямо по курсу. Там, в волнах травянистого моря, действительно появилось нечто вроде понижения уровня, внезапная расселина в земле. Словно трещина в почве или царапина, оставленная исполинским когтем...

– Выбирай! – крикнул мужчина. – Сворачиваем или прямо туда!!!

Выбор им выпал скудный. Никакого альтернативного третьего варианта.

Продолжать мчаться в степь или нырять в овраг, что вел к зеву, темневшему там, в дальнем конце трещины, и уводил под землю. А под поверхностью наверняка поджидали до того чудовищные ловушки и напасти, что пылевое завихрение атмосферы в сравнении с ними могло показаться миленьким цветочком...

– Смотри, смотри! – Девушка вдруг стукнула мужчину по плечу кулачком и резко подавалась вперед, будто захотела прильнуть к лобовому иллюминатору лицом.

– Ви-и-ижу... – уже совершенно другим тоном исторг это слово Большой. – Сереет...

– А вдруг нам повезет и как раз рассеется?! Мы проскочим!

И если бы эти отчаянные слова не выкрикнула девушка, тогда нечто подобное обязательно озвучил бы мужчина.

В самом деле, а что им еще оставалось?..

=2=

«...тридцать три=четыре=десять=

две=семнадцать=три=две=три=

пять=шестнадцать=семь=две=три=

И произошло это уже девять тьма-светов назад. После усталого шага отчаявшейся Олры в смерть нас осталось двое: Эл и я. Только двое из двадцати трех, что образовывали группу

вначале. Всего двое из двух с лишним десятков, угодивших сюда, в ЗОНУ. Я и он – из почти двух дюжин попавших в ее капканы людей...

Прыгнул, шагнул, и «ага»! Мгновенная вспышка, злобное шипение, и нет человека. Там, по ту сторону, никто не убегает прочь от рубежа смерти, ошастливленный избавлением...

Да, нам не удалось уловить четкой системы, руководящей возникновением сквозного отверстия вместо тумана. Настоящий хаос, броуновский беспредел какой-то царит в схеме прерывания, если в ней вообще имеется какая-то схема.

Единственное, что доподлинно известно, – минимальная и максимальная длительности промежутков между спасительными секундами. Размеры интервалов между неуловимыми мгновениями, когда смертельная энергия исчезает. Продолжительность отрезков между паузами, что коварно сулят возможность прыгнуть сквозь Рубеж, не сгорев ясным пламенем в проклятом этом тумане, и остаться в живых, и уйти прочь... Так вот, эти спасительные промежутки между прыжковыми секундами всегда не меньше двух и не больше пятидесяти секунд. Стандартных, «наших», человеческих секунд.

Брайю сгорел первым из всех, однако перед своим прыжком именно он измерил эти временные интервалы и с помощью Эла соорудил датчик. Собственно, «прыжковая секунда», когда они ее отмерили хронометром, оказалась примерно наполовину меньшей по длительности. Высокоточные часы были выужены из наваленной кучи разнообразных вещей, той, что мы неожиданно обнаружили километрах в пяти от Бункера. Если встать спиной к П-образной точке отсчета координат нашей внутренней вселенной – направление на одиннадцать часов.

Мы нечасто отваживались настолько далеко прокрадываться, всерьез отдаляться от Рубежа, но тяжелейшие вылазки стоили риска. В том рейде, например, нами было раздобыто немало жизненно необходимых трофеев. Некоторые из них до сих пор позволяют выживать мне, последнему из нас. Арьергардному нашей группы. Одиночке, загнанному в тупик, как крыса, забившаяся в глухую нору без другого выхода...

Даже когда нас было много, мы не решались уходить от Рубежа. Не осмеливались надолго покидать участок, расположенный в непосредственной близости от клочка замкнутого в проеме, клубящегося тумана всех оттенков серого цвета. Бродили, ползали, метались вокруг Рубежа, все искали, искали, искали способ освободиться... Самой популярной гипотезой было предположение, что где-нибудь может обнаружиться не мерцающий, а постоянно открытый проход. Не издевательски подмигивающие аналоги нашей импровизированной «калитки», но именно дверь. Настоящая возможность уйти прочь.

Ну или хотя бы какой-нибудь «сломанный» проход с паузой, которая длится дольше. Длится полновесную секунду... Срок, позволяющий человеческой реакции не только вовремя засечь шанс, но и воспользоваться им.

Выпрыгнуть из ЗОНЫ...

Только вот здешняя реальность безжалостно растоптала наши надежды. Да, прыжковая пауза короче, чем стандартная секунда. Так сказать, земная, если принять на веру гипотезу, выдвинутую Элом, который утверждал, что ЗОНА на самом деле обретается не на Земле, а на какой-то другой планете. Лично я в этом совершенно не уверен. Точнее, не хочу верить. Скорей уж мне захочется поверить в некое искривление пространства, в аномальные изменения законов природы. А то как подумаешь: мало того что вокруг ад крошечный, так еще и родной мир черт знает где остался... и совсем уж паскудно на душе становится.

Однако мы все равно называли эту краткую паузу секундой, а не какой-нибудь полусекундой или недосекундой. Ее, эту вожденную щелочку, что возникает в непреодолимой препоне Рубежа через интервалы времени, не поддающиеся осмысленной систематизации...

Наш человеческий слух вполне успевает отчетливо уловить оба щелчка датчика. И первый, который обозначает начало, и второй, который сообщает об окончании прыжковой секунды. Однако наша зрительная, мышечная, нервная или какая там еще, ч-черт ее дерит,

реакция просто не успевает сработать. Значит, ей просто-напросто не хватает этого мизерного отрезка времени, чтобы впрыгнуть между черточками знака «равняется», и...

Никто не успел.

Четырнадцать вспышек, следовавших за четырнадцатью прыжками, и я остался один. Еще восьмеро наших просто не успели прыгнуть, потому что погибли здесь раньше, чем решились. Их забрала ЗОНА, прежде чем они реализовали право на попытку выпрыгнуть вон.

Нормальный человеческий организм за такой сверхмалый срок не успевает стартовать и набрать скорость движения, достаточную для прыжка. Ну вот не способен человек, так сказать, вписаться в «двойной клик» компьютерной «мышки»!

Вполне возможно, было бы иначе, длись это спасительное мгновение дольше. Тянись оно целую полновесную секунду.

Быть может, прав был англичанин Джек, когда однажды высказался в том смысле, что стандартная секунда появилась и человечеством издавна отмеряется отнюдь неспроста. Это единица измерения времени, минимальная для нашей физиологии. Именно она является пределом человеческих возможностей. В отрезок времени меньший, чем секунда, мы, обычные представители своего биовида, просто не в состоянии и воспринять, и среагировать. Полсекунды нам хватает только на то, чтобы воспринять. Сделать – мы уже не успеваем.

Но в том-то и проблема, что я знаю и все остальные тоже знали: прыгнуть сквозь серость Рубежа и уйти невредимым очень даже реально. Вполне можно.

Это не плод воображения, не какая-то там несбыточная мечта, а доступная, выполняемая задача.

*сорок шесть=двенадцать=восемь=
семь=четырнадцать=тринадцать=семь=
девятнадцать=тридцать две=семнадцать...*

* * *

– Но почему ты вообще решил, что сквозь эти штуки можно вернуться? – спросила она. – Мне как-то слабовато верится, что эта местность расположена... э-э, где-нибудь в наших краях.

Он не ответил. Ему просто нечего было сказать. Во всяком случае, в эту секунду ответить он просто не смог бы при всем желании.

Мотор заглох, повинаясь движениям рук водителя. Бронемашина застыла посреди ледяной равнины. Лед здесь расстился повсюду, по крайней мере в поле зрения ничего, кроме льда, не попадало. Ледовая поверхность не была однородной и гладкой, «катком» равнину назвать было нельзя даже с натяжкой. Торосы, перепады, намороженные глыбы, трещины и рябь наслоений, где-то волнистая, сглаженная, а где-то с рваными, острыми краями...

Все как положено. И можно было закономерно решить, что вокруг арктические или антарктические просторы, если бы... Если бы не одно совершенно невероятное, фантастическое несоответствие.

Температура воздуха в этой ледовой вселенной, судя по ощущениям, и близко минусовой не являлась. Более того, она не являлась даже условно прохладной, в районе нескольких градусов выше ноля по шкале Цельсия. С такой температурой еще можно было бы вполне допускать, что лед не растает... Однако воздух здесь был по-настоящему горячим, хорошо за плюс тридцать, чуть ли не сорок градусов. Лед же, распростершийся вокруг до самой линии горизонта, преспокойно не таял.

Хотя с виду казался самым настоящим льдом, то есть водой в твердом, замороженном состоянии. Которой по всем нормальным законам природы положено возвращаться в жидкое состояние при плюсовой температуре, а при достижении плюс сотни градусов – переходить в состояние газообразное.

– У меня такое ощущение, что жаркая прерия вывернулась наизнанку, – проворчала девушка. – Поверхность земли изменилась, воздух остался прежним.

– Очень точное сравнение, – похвалил мужчина, через лобовое бронестекло разглядывая окружающую среду. – Но мне кажется, этот лед... м-м-м, не из воды. Он просто не может быть водяным, если предположить, что основные законы физики и химии здесь... э-э, тоже не вывернулись наизнанку.

– Вот это меня уже меньше всего удивит, – буркнула девушка. Еще раз оглядела ледовые красоты, раскинувшиеся за бортом бронемашины, и спросила: – Будем высаживаться? Меня как-то не тянет гулять по этому льду, хотя вообще-то я с детства, сам понимаешь, лед и снег видела чаще, чем траву, песок и глину.

– Меня тоже. Но в любом случае вряд ли имеет смысл разворачиваться и возвращаться. Тут нам по крайней мере пока что напрямую ничего не угрожает.

Он опустил взгляд и посмотрел на экранчик вспомогательного дисплея, который проецировал изображение с кормовой камеры. «Вид сзади» демонстрировал нагромождение ледяных глыб, сложившихся в подобие арки. Цвета окраски ледовой субстанции, выдержанные в голубовато-серых тонах, почти не отличались от оттенка внутреннего, ограниченного этими глыбами пространства. И если бы не промелькивающее там, внутри, нечто рыжевато-коричневое, резко контрастирующее, почти невозможно было бы определить, что с этим арочным образованием «что-то не то» творится.

– Сплюнь через левое плечо три раза, – посоветовала она. – Ты сам меня так учил, чтобы не притянуть неудачу.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – повернув голову налево, последовал он совету. – Не могу знать, конечно, подчиняется ли здесь хоть что-нибудь алгоритмам бытия и сознания, привычным нам, только на всякий случай не мешает подстраховываться. Ты права, Леди Удача – наша чуть ли не единственная союзница.

– Надеюсь, – коротко прокомментировала она.

– Если не считать этой машинки, – добавил он, – которая нам уже помогла избежать опасностей и поможет...

– Что поможет? Отыскать полынью или еще какую-нибудь лунку во льду? Отыщем, и что дальше? Ведь придется выбирать, бросать машину или нет. Под защитой брони катиться в неизвестность – это здорово, конечно, только вот танк далеко не во все... э-э, ворота пролезет.

– Да, я как-то об этом не подумал, – признал он. – Мне казалось, что нет лучшего способа передвижения по крайне враждебной территории. Может, это генетическая память, ведь мой папа имел звание капитана танковых войск, а дедушка был фронтовым шофером...

– И ты был совершенно прав при условии, что главная проблема – это решиться выйти. Поэтому танк нужен был, чтобы найти подходящий выход. Мы нашли броню на колесах, и набрались смелости, и отправились в поиск. А сейчас, похоже, выясняется, что главная проблема не в том, чтобы выход найти и в него выйти, а в том... чтобы он оказался действительно подходящим.

– Ты... м-м, витиевато закрутила, но я тебя понял. Да, ты права, может случиться, что мы все не так себе представляли. И наш поиск будет... э-э, гораздо больше наполнен неожиданностями, мягко выражаясь.

– Выбора у нас не было, так или иначе. Любая защита не дает стопроцентной гарантии. Зато в движущуюся цель труднее всего попасть. Этому меня научил мой дедушка, охотник.

– Да, мой дедушка тоже говорил, если хочешь жить – умеи бегать, – согласился он. – А уж ему-то, ухитрившемуся пройти лагерь, гитлеровские концентрационные, британский для перемещенных лиц и жуткую карагандинскую зону ГУЛага, это умение явно спасало жизнь не раз...

– Слушай, а нам оно не мерещится? – согласно покивав его словам, вдруг спросила она. – Может, стоит все-таки выйти и пощупать... не доверяя глазам, видеокамерам и термометрам?

– Думаю, что нам лучше уж сразу принять как данность, что все – реально, – убежденно сказал он. – И поступать соответственно. Каким бы невероятным оно ни казалось, чем бы неимоверным оно ни ощущалось. Если мы будем относиться к окружающей среде не всерьез, никаких шансов выжить у нас точно не останется. Другое дело, что не стоит, наверное, сушить головы попытками разобраться... Почему с неба жарит тропическое солнце, воздух, как на египетском курорте, а лед не тает... Или другими подобными поисками объяснений. У нас есть цель, и какие бы фантастические обстоятельства ни попадались нам в процессе ее достижения...

– Договорились. Это не галлюцинации, даже если будут выглядеть как заправские видения.

– Знаешь, после всего, здесь уже пережитого, я свято уверен: где-то, как-то, когда-то существует все, что человек способен вообразить... Если до чего-нибудь мы не способны додуматься, то его нет, а значит, нам и не встретится. Если бы мне кто-то сказал, что я буду сидеть внутри настоящей бронированной машины из постапокалиптического блокбастера и рассуждать о льде, не тающем на сорокаградусной жаре... Но видишь – оно есть, и эта реальность дана нам в ощущениях. Более чем дана!

– А уж если бы мне кто сказал, что я попаду в объятия мужчины из будущего и с ним... – Она осеклась, обреченно махнула рукой и твердо, убежденно заявила: – Кончаем рассуждать. Ясно, что выбора у нас нет. Разве что пустить себе пулю в висок, но это аварийный выход.

– Точно. Полный вперед!

Мотор ожил, повинувшись управляющим движениям рук водителя. Бронемашина тронулась с места и медленно, осторожно покатила вперед. Сидевшие внутри нее люди не знали еще, куда им держать путь и сколько он продлится, но одно уже поняли наверняка – что не вернутся туда, откуда приехали.

А достаточно скоро им довелось узнать, что они совершенно зря, как выяснилось, списали со счета «танк». Не стоило это бронированное средство передвижения вслух упоминать в контексте «не считая»... Сглазили. Потому что остались они без машины и почти без оружия. Выбор – спешиваться или нет? – двоим едущим по льду делать не пришлось. За них выбрала капризная Леди Фортуна, повернувшись к ним боком.

Когда бронемашина преодолевала выглаженную площадку, смахивающую на хоккейное поле, она внезапно, практически мгновенно, провалилась. Лед вдруг начал плавиться, как будто плюсовая температура хотя бы на одном участке наконец-то вступила в свои законные права, и твердая поверхность прямо на глазах стала исчезать. Немалый фрагмент поверхности растворился, образовав подобие дыры...

Но жидкость в этой «полынье» не появилась. Там, внутри, клубилась серо-белесая газообразная взвесь.

Они могли бы остаться в кабине, уповая на то, что провалятся вместе с «танком» и хоть где-нибудь да очутятся. Они могли бы провалиться вместе с ним и нигде не очутиться, сгинуть в одночасье. И с развилки возможностей была еще третья дорога – они могли покинуть машину быстро, практически «в чем были».

Он и она, на краткое мгновенье встретившись глазами, без единого слова приняли решение: предпочли не надеяться на «танк». Громоздкая машина явно привлекала к себе излишнее внимание незримых сил, которые управляли окружающим мирозданием.

Волей-неволей люди расстались с бронемашинной, благодаря находке которой они отбросили колебания и отправились в путь. Покинули, успев только похватать рюкзаки с «аварийными» комплектами снаряжения. Экипироваться более обстоятельно просто не осталось вре-

мени. Ни секундочки лишней. Собственно, у них и оставалась всего лишь одна секунда, чтобы успеть.

Чтобы их путь, уводящий в неизвестность, не прервался, едва начавшись.

Удача хотя и отвлеклась, повернувшись к ним боком, все же не показала им свою равнодушную спину, не отвернулась совсем. Вызволила их из объятий то ли жаркого льда, то ли ледяной жары.

Они успели.

=3=

«...две=одинадцать=тринадцать=двадцать пять=

Мы собственными глазами видели, как это происходило. Первым был здоровенный, непомерно мышцатый атлет. Прямо-таки вылитый пиррянин из «Миров смерти» великого писателя-фантаста Гарри Гаррисона. Гуманоид с неведомой нам планеты, или гость из недоступной нам параллельной реальности, или откуда бы он сюда ни появился, ч-черт... И он успел перепрыгнуть, сволочь! Его быстрота реакции, видимо, превосходила нашу.

Мы ведь, что греха таить, никакие не супермены и не супервумены, вполне обычные человечки. Подобные миллиардам других таких же частиц, из которых образовано человечество нашего, что уж греха таить, явно не лучшего из миров.

Он явился к нам и втерся в доверие, и мы его пригласили в Дом, и к Рубежу подпустили, а он – возьми да сумей перепрыгнуть...

Стояли мы тогда, в буквальном смысле остолбеневшие, и вытаращенными глазами невольных свидетелей наблюдали, как он уходил вдаль по солнечной равнине, раскинувшейся там, за Рубежом. Именно такое зрелище возникает, и полсекундочки просматривается в чистом «окне», когда оно в проеме появляется вместо непроглядной серости. Эту невероятную здесь, внутри доступного нам фрагмента ЗОНЫ, идиллическую картину мы постоянно видели... а теперь продолжаю видеть я, когда приоткрывается выход наружу.

Да уж, помнится, торчали мы тогда, обалдевшие, и посылали ему вслед проклятия самые ужасные из нам известных. А он даже не обернулся, подлый гад. Так и убрел, гуманоид долбаный, к рощице березок, той, что просматривается по ту сторону Рубежа, на глазок – приблизительно метрах в пятистах от нас. К желанному и недостижимому символу, уголку нормальной природы, манящему уютной безопасностью. Той самой безопасностью, которой по эту сторону и в помине нет.

Точно-точно, если бы тот гнусный супермен, похожий на древнегреческого атлета более чем двухметрового роста, не продемонстрировал нам воочию свой успех, прямо на наших глазах убравшись вон из ЗОНЫ... я бы спустя время не остался в одиночестве. Далеко не гордом, надо признаться.

Никто из людей нашей группы не внял моим увещаниям и уговорам. Каждый из них, двадцати двух человек, имел право на свой прыжок, на свою единственную попытку... каждый, черт их подери!!! А я не имею, черт деря меня, никакого права осуждать их.

Но тем яростнее я ненавижу того похожего на эллинскую скульптуру красавчика, что дорвался к Рубежу и сумел пересечь его. По его вине я остался один...

Хотя, быть может, я в отчаянии просто ищу «крайнего»?..

Наверное, мы все-таки смогли бы адаптироваться, сумели бы дальше выживать и здесь, в ЗОНЕ. Мы ведь выжили, когда попали сюда, и выживали до сих пор! А времени не так уж мало прошло с той поры, как мы угодили сюда.

Однако никто не желал оставаться, и все погибли, испепеленные незримым жаром тумана Рубежа.

Мне тоже не хотелось, и не хочется, и никогда добровольно не захочется оставаться в ЗОНЕ, но я, вероятно, оказался самым трусливым из нас.

До сих пор все никак не решусь прыгнуть.

Я ведь тоже, тоже имею право на свой выбор: прыгать или оставаться.

Нет, уж что-что, а прыгнуть-то я могу! Имею прекрасную возможность в любую секунду... и это не каламбур и не игра слов, черт их задери!.. прыгнуть я могу хоть сейчас. Это и мое священное право, я тоже человек – или кто, спрашивается? Но вот сумею ли я перепрыгнуть и, полной грудью вдыхая свежий воздух свободы, уйти к той рошице?! Не наблюдать со стороны, а добраться туда и узреть вокруг себя это упоительное зрелище, которое отравляет мне существование, наполняет горечью зримого, но абсолютно недостижимого соблазна...

Это вряд ли. Если, конечно, не озарит меня вдруг внезапная гениальная догадка, позволяющая раскусить систему прерывания Рубежа.

А ее ведь и нету, системы этой.

Так сказала Олра и сразу после этого... шагнула в смерть.

шестнадцать=сорок=двадцать восемь=две=пятнадцать

двадцать пять=четыре=тридцать девять=восемнадцать...»

* * *

– Где это мы?.. – растерянно спросила девушка.

– Не зна-аю... – протянул Большой. – Надо осмотреться.

Они очутились в просторном темном зале. Помещение показалось им огромным... хотя это еще слабо сказано. Оно было чудовищно-громадным, колоссальным! Свет от полыхающих языками пламени жаровен лишь немного рассеивал окружающий мрак. Изрезанные барельефами колонны, словно вековые дубы, прятали свои «кроны» во тьме, где-то вверху. Тяжелые узорчатые портьеры величаво колыхались, их шевелили сквозняки, вольготно бродившие по незримым просторам зала...

– Скажу одно: судя по обстановке, мы в каком-то дворце, – шепотом произнес мужчина. Впрочем, даже на считанные децибелы, выданные человеческим голосом, нашлось свое, пусть и слабенькое, но все же эхо. А когда Большой шагнул к окну, раздавшийся отзвук чуть ли не сотряс дворец до основания. Старший напарник замер, втянув голову в плечи, однако все же решился и продолжил движение по гулкому полу...

Из высокого узкого окна открывался неожиданный вид: на сад, усаженный разлапистыми пальмами, что лениво, с этакой негой колыхали широкими листьями в такт дуновениям ветерка. Луна, прятая за паранджой из облаков, все же в достаточной мере освещала окрестности. Напарник пригляделся, но не отметил ни единой яркой светлой точки, которая подтвердила бы присутствие электричества.

– Та-а-ак... – на выдохе произнес мужчина, присел на корточки и дернул шнурок на правом ботинке.

– Что ты делаешь? – спросила младшая.

Расшнуровав свои «берцы», Большой снял их. Связав шнурками друг с другом, перекинул ботинки через плечо, обтянутое кожей старой куртки. Танкистский шлем потерялся, слетел, когда пришлось экстренно эвакуироваться.

– Сама подумай. Лично я не собираюсь сообщать о себе на весь этот дворец. Тебе, кстати, рекомендую поступить так же.

Выхватив пистолет и держа его перед собой, ведущий прокрался, прячась за колоннами, к высоченному, в два человеческих роста, дверному проему. Девушка тоже сняла обувь и ступала за своим спутником неслышно.

– Лестница, – шепнул мужчина. – Ведет вниз.

Напарники крадучись просочились на ступени. И лишь занавеси таинственно шелестели им вслед...

Взорам непрошенных тайных гостей открылось прелюбопытное зрелище: на доброй половине площади зала – по интерьеру и размерам близнецу помещения уровнем выше – раскинулось грандиозное пиршество. Десятки людей, облаченных в старинные, мягко выражаясь, одеяния, возлежали на кушетках и предавались чревоугодию. Они пили, ели, слушали игру музыкантов, переговаривались на неведомом языке, любовались извивающимися телами полуобнаженных танцовщиц... Все это разительно напоминало постановочную сцену из исторического фильма жанра «пеплум»¹.

Большой огляделся, обшаривая пристальным взглядом зал. Девушка вопросительно посмотрела на него.

– Чего пялишься? – сердито проворчал он. – Ты здесь где-то видишь... э-э, кинооператоров?.. Нет? И я не вижу. А что это означает? То, что мы опять оказались не в нашем мире. Мы не вернулись домой, а... попали, одним словом. И если все-таки в нашем мире... тогда явно в каком-то из периодов его древней истории. Оно, конечно, заманчиво у предков погостить, но лично я как-то совершенно в другую степь стремился.

Тем временем разворачивавшееся на их глазах веселье становилось все более разнузданным. Мужчина недовольно скривился и сокрушенно покачал головой, он явно предощутил, что дело движется к неприятностям. И предвиденное случилось... Мускулистый, бронзовокожий мужчина, выхватив из крепления факел, принялся поджигать занавеси.

– Ой!!! – невольно вскрикнула девушка. И ее звонкий вскрик прорвался сквозь шумы и звуки музыкальных инструментов.

– Тих-хо ты! – зашипел мужчина, зажимая девушке рот ладонью, и в следующую же секунду был вынужден добавить: – Бежим!

Охмелевшая толпа, гогоча, бросилась к выходам, к окнам, попутно переворачивая жаровни и швыряя факелы в глубь помещений.

Краем глаза Большой засек движение слева от себя. Лишь молниеносная реакция спасла мужчину от удара копьем. Развернувшись, он перехватил древко, одновременно сделав подсечку коренастому бородатому воину в длиннополом одеянии. Свалив того с ног и отобрав копье, мужчина добавил пинком по ребрам. Заметив поодаль силуэт еще одного вооруженного человека, Большой затравленно обернулся, ища взглядом напарницу...

Девушка к этому моменту уже преодолела лестницу.

– Куда ты?! Стой, сгоришь!!! – заорал мужчина и метнулся вслед.

Чад пожарища проникал уже повсюду, наполняя дворец. Пламя начало лизать дверной проем, резкий запах кедровой смолы наполнял ноздри. В проеме клубилась дымная занавесь.

– Маленькая!..

В ответ ни слова.

Резко выдохнув и вдохнув, Большой наполнил легкие остатками несгоревшего кислорода и решительно шагнул вперед, в завесу дыма. Другого варианта развития событий напарница ему не оставила.

¹ Пеплум (от «perplum» – женская верхняя одежда в Древнем Риме, аналог греческого пеплоса; буквально – «покрыв»; англ. вариант – sword & sandal, «меч и сандалии») – жанр исторического кино, для которого характерны следующие признаки: использование античных или библейских сюжетов; большая продолжительность фильма (зачастую более двух часов); масштабность: батальные сцены, панорамная съемка и огромное количество массовки. Несмотря на историчность сюжета, в фильмах могут присутствовать значительные расхождения с историей в угоду зрелищности; не всегда ставится задача достоверного воссоздания исторических событий. Впрочем, с этой задачей обычно не особенно справляются и фильмы, претендующие на документальность; толкования уцелевших исторических свидетельств неизбежно попадают в прямую зависимость от восприятия и убеждений авторов. (Мысленное примечание Большого, заметка на полях повествования).

=4=

«...шесть=пятнадцать=восемь=две=пять=семь=

Не надо мне знать, конечно, ответа на животрепещущий вопрос. Зачем тот... или те, или то, или та... кто соорудил Рубеж, вообще оставил в нем пульсирующие промежутки? Зачем спроектировал появление дыр, которые можно использовать как проходы наружу?

Почему-то сотворено именно так: чтобы туман Рубежа через неопределенные интервалы времени исчезал на полсекунды, приоткрывая окно в другой мир, с виду – нормальный. Но я знаю наверняка, что сделавший так – величайший изувер с точки зрения психологии людей моего человечества. Садист, по определению! Просто-таки несусветный изверг, полоумный маньячище, черт его дери, задери, подери и раздери на мельчайшие шматочки!.. Вот не будь их, прыжковых секунд пр-роклятых, и мы бы вполне смирились. Допустили в свои мозги идею, что можем остаться В ЗОНЕ.

Мы попробовали бы жить и тут. Хотя бы в качестве практического подтверждения изумленного восклицания: «Всюду жизнь!!!»

Но нет, эти обманчиво-доступные секунды – есть. Неумолимо появляются они, зар-разы, и...

И вот я остался один.

Почти все разумные – естественно, в доступных нам критериях осмысления их разумности! – существа, которых мы повидали тут, в ЗОНЕ, неизменно пытались пробраться наружу, перепрыгнуть Рубеж. Не наш, так какой-нибудь еще из Рубежов. Никто из созданий, обладающих разумом, пребывая в здравом рассудке, не желал оставаться в этом реальном аду. Уж об этом я знаю достоверно, насмотрелся здесь всякого-разного, а с некоторыми братьями и сестрами по разуму мы в свое время даже успели сконтактировать и пообщаться. Точнее, с четырьмя существами, внешне очень похожими на нас, человекообразными. Хотя уж они-то все точно были с других планет, из других миров. Как выяснилось. Если не ввали нам...

Но успешно удалось выпрыгнуть на наших глазах очень немногим.

Это совершили трое зеленокожих гуманоидов, которые с виду напоминали прямоходящих собак. Через этот самый Рубеж, который позднее мы стали называть Нашим... Еще до того как мы его экспроприировали и огородили. Также – одно сизо-синее чешуйчатое создание, смахивавшее на помесь змея и саранчи. Сквозь другой Рубеж, калитку ворот проржавевшего ангара, что расположен примерно за три километра, в направлении на пятнадцать часов. И парочка смешных пузырчатых созданий, имевших разительное сходство с плюшевыми медвежатами, болеющими водянкой. Эти выпрыгнули на Рубеже, который мы обнаружили в рваном проломе единственной уцелевшей стены домика, расположенного еще дальше от нас, и в ту же сторону... Мы условно звали ее севером, ориентируясь по вектору движения светила, греющего там, в ясном небе за Рубежом.

Солнце промелькивало в проеме выхода, когда он приоткрывался на прыжковые секунды, и мы воочию могли следить за движением. Что мы поначалу и делали, изнывая от тоски по утраченным нормальным жизням.

Светило восходило прямо напротив «окна», подымалось и уплывало куда-то вверх, по мере приближения к зениту. Выше доступного нашим взглядам сектора обзора. Закатов солнца мы ни разу не увидели там, за Рубежом. Оно, само собой, тоже заходило вне доступного нашим взглядам сектора обзора. Можно было сколько угодно таращиться в небеса ЗОНЫ, по эту сторону, поверх сложенных буквой «П» тяжелых плит и бесформенной глыбы железобетона, к которой они прислонены... Смотри сколько угодно, но разглядишь только ту же хмурую клубящуюся пелену, распростертую в вышине. Никакого солнца там не бывало и в помине. Эту верхнюю серость скорее уж можно было назвать сплошным Рубежом, что «крышевал» ЗОНУ.

Сколько раз мне доводилось наблюдать, как сгорали летающие монстры где-то там, на высоте птичьего полета, так сказать... Сплошная облачная пелена не выпускала их. Небеса закрыты, и точка. А проверить, есть ли в них где-нибудь постоянные просветы для выхода, мы не решились, да и незачем было. Толку-то. Вначале пришлось бы найти какой-нибудь самолет.

Наш Рубеж, получается, «смотрит» прямо на восток «зарубежного», по-ту-стороннего мира. Таким образом, если встать к нему лицом, тогда левее – север, а правее – юг. Однако в том направлении мы забирались не очень далеко, только до соседнего Рубежа, обнаруженного справа всего лишь в километре с небольшим.

Причудливое, надо заметить, обрамление у тамошнего, «южного» клочка убийственного серого тумана: согнутый полукруглой аркой металлический столб. С одной стороны в проеме арки клубится серость, иногда, на прыжковую секунду, она сменяется окном в чистый мир... А с обратной стороны если зайти, то над головой просто столб, который пригнула к почве исполинская лапа неведомого чудовища. И вот в этом «соседнем» проеме мы прямо перед собой увидели, как «зарубежное», по-ту-стороннее солнце опускается за горизонт. Тот Рубеж, получается, выводит на сторону света, противоположную той стороне, куда выходит наш. На запад... Дальше, условно-южной, совсем уж непроходимые дебри начались, ни пройти, ни проехать. Без специальной, жизненно-важной причины туда и незачем было соваться.

Да уж, за нормальной сменой дня и ночи можно наблюдать лишь здесь, в непосредственной близости от «окошка» Рубежа, что на секундочку приоткрывается наружу. Стоит отойти от него, углубиться в ЗОНУ, где периодически вспыхивающего в оконном проеме настоящего солнца не видать, а небо похоже на повисший над головой потолок, в который вмонтированы скрытые светильники, которые иногда сочатся более светлой серостью, – и уже очень скоро вокруг окончательно сгустится ее хмуро-сумрачная во всех смыслах атмосфера.

В нутре ЗОНЫ только чередования полной тьмы и условного света – когда сумрачная пелена вверху циклично меняет оттенки себя от черного до тускло-белесого – позволят вести отсчет времени.

Хотя, конечно, особенно далеко от Нашего Рубежа мы не отдалялись. Поэтому я не очень-то и знаю, что там и как там дальше, глубже. Мы ведь, наивные, все надеялись разгадать систему прерывания, хотели открыть великую тайну превращения наблюдательного окна в настоящую дверь, а превратив – выпрыгнуть на свободу. Туда, к солнышку, к звездам, к травке и березкам... К свежему воздуху, дуновения которого, напоенные головкружительными ароматами «зарубежья», вместе с солнечным или звездным светом успевают просочиться сюда за доли секунды, когда распаивается выход. Эти запахи, будто намеренно, чтобы дразнить наше обоняние, пропускаются извне в ЗОНУ. Все остальное – травинки, листочки, пушинки, дождевики, мошка, мухи и тому подобные элементы внешнего мира – словно отфильтровывается и внутрь не попадает.

Но человек, увы, не дуновение ветра.

Как бы ни хотелось порой...

Сейчас территория, обследованная нами, почти опустела. По крайней мере уже немало тьма-светов ничего похожего на разумное существо в окрестностях не попадалось. Быть может, я здесь вообще сейчас один такой урод остался, из разумных. Хотя кто эту ЗОНУ ведает, черт ее располосуй! Не является ли кусочек территории, разведанный нашей группой, всего лишь ничтожным клочком? Для нас это огромный сектор, полный разнообразных деталей и обитателей, а на самом деле – всего лишь прыщ на заднице или родинка на щеке непостижимой сверхсущности...

Разумные все или выпрыгнули, или прыгнули. Что в здешней реальности далеко не одно и то же, понятное дело. «Две очень большие разницы», как выражались жители города, расположенного неподалеку от моего родного. Надо же, я когда-то родился и обитал в обычном приморском городе... Мне уже с трудом верится, что жизнь вне ЗОНЫ у меня вообще была.

девять=пять=двенадцать=двадцать две...»

* * *

– Интересно, где мы на этот раз оказались, в какой заднице? – произнес Большой, с горькой иронией в голосе.

– Мы в помещении, – уверенно сообщила Маленькая. – Слышишь, такой характерный отзвук?

– Слышу. Могла не отвечать, это был риторический вопрос... Давай-ка лучше доставай фонарик, здешняя темень действует на меня угнетающе.

– Да, сэр! – отрапортовала младшая.

Фонарь, компактный, но достаточно мощный, устроил дворцовый переворот в царстве тьмы. Широкий пучок света озарил элементы окружающего интерьера.

– Ничего себе! Почти угадал!

– О чем ты? – недоуменно спросила девушка.

– Как это о чем? О нашем местоположении... Смотри.

Испускаемый фонарем луч света скользнул по ровным рядам кафельных плиток, этакой чешуей покрывавших стены и пол помещения, по шеренге писсуаров вдоль одной стены и по череде кабинок с оторванными дверцами, выстроившихся вдоль другой. Дверцы были кем-то аккуратно сложены стопочкой в углу.

Люди сюда попали через проем входа в одну из кабинок, крайнюю слева...

– Туалет типа *sortir*. Как романтично! Ну не прелесть ли, а?!

– Странный ты все-таки... Или я такой юмор не понимаю.

– С чего бы такой вывод? Нет, я согласен в целом. Но интересно послушать, на основе каких предпосылок вы, мисс, построили...

– Вы по-особенному, мистер, реагируете на происходящее вокруг безобразие: в помойке ищете смысл жизни, в разгромленном туалете – романтику... Вот так вот, мистер!

– Что за негатив? – Большой поморщился. – Да, по-особенному. Только ты так сказала, будто в этом что-то плохое... Ладно, идем поглядим, где мы вообще и что происходит. Задумывавшие беседы подождут до лучших времен. Сядем за чашечкой кофе... Ой, опять меня несет! Идем.

– Окай, босс, – коротко согласилась напарница.

Большой тоже включил свой фонарик. Эти с виду крохотные устройства на самом деле давали мощные, широкие пучки света и могли безостановочно работать долго, очень долго. Проверено было в свое время, поэтому фонари вошли в экипировку. Так что спутники могли позволить себе подобную иллюминацию. В дороге путников поджидали не только опасности, но иногда и добыча, полезная для выживания. К счастью.

Выбравшись из помещения туалета, напарники оказались в коридоре, таком же темном. Света двух лучей, впрочем, хватало с избытком, и можно было разглядеть – дальше коридор резко поворачивал вправо. Интуиция настойчиво требовала двигаться вдоль стеночки и быть поосторожнее на повороте. Ясное дело, сперва Большой лишь слегка высунулся, чтобы оценить обстановку...

И лицом к лицу столкнулся с мужчиной, вооруженным немалых размеров ружьем! Лицо незнакомца, покрытое багрово мерцающей в свете фонарей пленкой крови, и ничего не выражающие, бессмысленные глаза не оставляли никакой надежды на конструктивный диалог.

– Аы-аэ-ыа-ы... – исторг некто.

Большой резким движением отбил направленный на него ствол и приложил ружьеносца виском об угол. Окровавленный неадекват рухнул на колени. Старший напарник моментально

шагнул ему за спину, одной рукой ухватил его затылок, а второй обхватил нижнюю челюсть... и коротким сильным движением свернул шею. Некто упал, бездыханный.

– Прости, братец... – прошептал Большой и добавил еще тише: – Хреновая психотерапия... Что ж, если способен просить прощения, значит, еще не совсем озверел...

После этого он позаимствовал ружье и патроны, обнаруженные в карманах куртки убитого. Трофеем был весьма кстати, пистолет – оружие компактное и удобное, но порой недостаточно мощное и дальнобойное.

А коридор все продолжался и продолжался. Через неравные промежутки по обеим сторонам встречались металлические двери, подмигивавшие прохожим желтыми «диодными» огоньками: дескать, мы заперты, вам через нас не пройти.

– Очень надо, – проворчал мужчина, когда позади них осталось штук десять запертых проходов. И добавил, спросив младшую напарницу: – Как считаешь, Маленькая, эти двери автономны или питаются из общей электросети?

– Не знаю. Мне вот что любопытно... Смотри, здесь нигде не видно выключателей. Или выключателей, как там правильнее сказать.

– Не суть. Я думаю, что если помещения все же обесточены, а эти желтоглазые дверки на автономной подпитке, значит, раньше коридор был постоянно освещен. А вот если... Стой!

Большой дернулся к напарнице и толкнул ее к правой стене. В отдалении, из-за очередного поворота внезапно появился источник рассеянного света и теперь быстро двигался в их сторону. Прижавшись к шершавой, исцарапанной стене, приготовив к бою оружие, двое путешественников напряженно ждали. Их отчаянный путь в никуда при каждом следующем шаге мог оборваться. Вот такие внезапные изменения ситуации повышали риск на порядок.

С каждой секундой становилось все светлее и светлее. Руки мужчины вспотели. Зрачки, адаптируясь к изменяющейся степени освещения, сужались. Дыхание участилось, сердце сокращалось с утроенной силой, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. Пирамидки надпочечников старались вовсю, выбрасывая в кровь все новые и новые порции адреналина.

Все ближе и ближе, и ближе... Свечение приблизилось настолько, что стало возможным разглядеть, как... включился очередной светильник, угнездившийся в нише на потолке, забранной ажурной сеткой. За ним дал свет еще один, затем следующий и следующий...

– Тьфу ты, черт! – не сдержался Большой и действительно раздраженно сплюнул.

Его напарница ограничилась отчетливым: «Ха!».

– Проклятие! Воистину страх неизведанного, вернее, неизвестного – страшнейший из всех, – утирая рукавом взмокший лоб, произнес мужчина.

– Да-а-а уж, – согласно протянула девушка, вытирая ладошки о штанины своего комбинезона. – А ведь всего лишь кто-то где-то включает свет.

– Знаешь, иногда и у меня просыпалась тяга к исследованию неведомого, – вдруг сообщил Большой. – Но сейчас я хочу только одного: как бы убраться отсюда подальше! Волею-неволей нам придется топтать вперед... – Он замолк, прислушался и добавил: – Мне померещилось, или я слышу звуки стрельбы?..

– Я тоже слышу. Если мерещится, тогда и мне тоже... Теперь вопрос: нам идти на эти звуки или, наоборот, разворачиваться и убегать от них куда подальше?

– Здравое соображение. Мой ответ – идти вперед. Чему меня жизнь здесь научила, так это никогда не возвращаться назад, если хочешь куда-то добраться.

– Согласна. Да уж, сзади может подстергать уже совсем не то, что было...

И напарники крадучись, под стеночкой, заскользили вперед, в сторону расслышанных звуков. А коридор этот все не кончался и не кончался. Он тянулся вдаль, чуть изгибаясь то вправо, то влево, по замыслу проектировщиков, так, чтобы нельзя было рассмотреть, что же поджидает там, в перспективе. С каждым шагом вперед характерные звуки становились все громче и громче...

– Когда же он закончится-то? – в сердцах проворчал Большой. И, будто в ответ на его вопрос, уже за очередным изгибом напарники внезапно уперлись в перегородку. Отблескивающая серым металлом стенка перекрыла коридор полностью, от пола до потолка. Прямо по центру в ней был обозначен дверной проем, тонкая непрерывная царапина в виде кириллической буквы «П», однако у этого намека на дверь не наблюдалось никакой ручки, рычага или замочной скважины. Зато слева от буквы горел желтый огонек. В точности такой же, какие мерцали у оставшихся позади дверных полотен, расположенных по обеим сторонам коридора.

– Приплыли! – коротко резюмировал Большой.

– И что дальше? – едва слышно, почти шепотом, поинтересовалась Маленькая.

– Снимать штаны и бегать, – грубо и непонятно для спутницы ответил мужчина. Однако тотчас спохватился. – Ох, извини! Что-то у меня нервишки бренчат.

– Я понимаю. И все же что делать будем?

Старший приложился ухом к холодному металлу. Оттуда, из-за перегородки, снова слышались хлесткие звуки.

– Стреляют определенно с той стороны. С виду перегородка непреступная, а звукоизоляция, однако, неважнецкая... Там кто-то не жалеет боеприпасов. Похоже, из пулемета... Наверняка местный Рэмбо какой-нибудь!

Диодный желтоглаз над дверью вдруг начал мигать, затем позеленел, и металл внутри буквы «П»... начал двигаться! Подниматься вверх. Когда просвет, образовавшийся между полом и нижним краем дверного полотна, стал достаточно широким, в него с той стороны юркнул пригнувшийся человек. В руках он сжимал многоствольный электропулемет, самый что ни на есть!

Оказавшись по эту сторону и развернувшись, пулеметчик из своего «минигана», блок стволов которого вращался от электрического привода, выпустил в полуоткрытый проем длинную очередь. После этого опустил свое грозное оружие, перехватил его правой рукой и чиркнул красным пластиковым прямоугольничком, зажатым в пальцах левой, где-то в районе огонька, который уже мигал зеленым... Это наверняка была не просто карточка, а электронный ключ – дверная плита начала обратное движение вниз... С той стороны раздался яростный рев, в просвет сунулась когтистая лапа, но не успела никого ухватить. С влажным чваканьем ее придавил нижний край опускающейся металлической плиты...

Пулеметчик резко повернулся спиной к перегородке и вскинул «миниган».

– Эй, эй, мы свои! – закричал Большой. – Люди мы!

С явным облегчением человек шумно перевел дух и опустил «миниган». Затем сдвинул вверх лицевой щиток своего боевого шлема.

Обладатель столь грозного оружия был ему под стать: высокий, мускулистый, светло-волосый, суровый прищур голубых глаз, квадратная челюсть. Вылитый герой боевиков. Его броня – металлическая кираса с «рельефом мышц» и внушительный шлем – дополняла и усиливала производимый эффект. Вдобавок к «минигану» боец таскал с собой целый арсенал: на плече дробовик, в кобурах на поясе два пистолета, на ремнях гроздь гранат, а к рюкзаку, который наверняка скрывал внутри себя добрую тонну боеприпасов, снаружи была приторочена... Большой сперва не поверил глазам своим. Присмотрелся, сморгнул, снова всмотрелся. Точно, она.

Бензопила! Ни больше ни меньше.

– Не поверите, я безумно рад видеть кого-то из выживших! – произнес «Рэмбо» на типично-американском варианте английского, с отчетливо акающим акцентом. У спутницы Большого такое «аканье» также сквозило, но куда менее резко.

– А уж мы-то как рады, – буркнул старший из двоих «прохожих». – Ты, собственно, кто?

– Как это кто?! – изумился парень. – Я единственный из десантников, который выжил. Нас послали сюда, когда поступил сигнал тревоги... А вот вы кто? Не пехотинцы, я вас не знаю. Из персонала? Тогда почему не знаете о прибытии десанта?

– Да, да, мы персонал! – тотчас энергично соврал старший из напарников. – Я сантехник, а она, – кивок в сторону младшей, – уборщица. Слышим, сирены тревоги, аварийные фонари полыхают, охрана куда-то побежала, и налетели всякие когтистые... Мы о прибытии десанта просто не успели узнать, прятались от гадов.

– Ублюдки, доигрались со своими экспериментами! – Боец презрительно сплюнул. – Ученые, чтоб им похороны без салюта!

– Да-да, сволочи те еще! – охотно поддакнул Большой. – Ты, я вижу, продолжаешь выполнять приказ?

– Конечно, мистер! Зачищаю уродов! И телепорт ищу, чтобы убраться отсюда. Здесь целая дивизия нужна, а вообще лучше всего раздолбать ядерными боеголовками с орбиты.

Большой и его спутница невольно переглянулись. Судя по ее взгляду, Маленькую тоже зацепило упоминание «орбиты».

– Не знаете, где телепорт? – спросил десантник.

– Нет, нет, мы не в курсе! – вступила в разговор девушка. – Нам никто не объяснял, где что установлено. Но, должно быть, где-то тут...

– Где-то тут, – эхом повторил бравый десантник. – Догадываюсь... Ладно, идемте вместе.

– Естественно! – воодушевленно воскликнула Маленькая. – У тебя же ключ!

– Да-а... И подходит он... Вот к этой... Нет, не к этой. Тут надо синий ключ. А! Вот к этой.

Опустив щиток шлема и сместившись по коридору к нужной двери, третьей по счету от перегородки, боец провел красной карточкой по «огненноглазому» электронному замку. «Вжик». Дверная плита поползла вверх, а глазок замигал зеленым.

– Гр-р-ра-а-а!!! – по ту сторону двери моментально заревел неведомый монстр. Десантник не растерялся и, как только проход открылся наполовину, выпустил от бедра щедрую очередь. Стволы вращались, выплевывая рой смертоносных «ос», звенели дымящиеся гильзы. Чудовище ревело пуше прежнего, но скоро захлебнулось собственным ревом и заткнулось.

– Долбанный урод, – удовлетворенно констатировал десантник.

Дверь открылась полностью, и бодрым шагом пулеметчик направился внутрь помещения. Парочка «из персонала» поспешила за ним. Валявшийся в темно-багровой луже крови монстр был ужасен. Неожиданно человекообразный, со шкурой, покрытой длинными острыми шипами, со злобными красными глазами и ощеренной пастью, полной острых зубов, он являл собой олицетворенный кошмар.

Проследив, куда и, главное, как смотрят сантехник и уборщица, боец хмыкнул:

– Хм! Это вы еще не видели розовых тварей...

– Как это розовых? – озадаченно переспросила девушка. В ее взгляде мелькнуло неподдельное удивление. Как будто десантник посулил нападение особой женского аналога геев.

– Да, да. Розовые. Те еще твари... А вот и они, накликать! Прикройте меня, только не зацепите дробью.

В дальнем конце зала из другой двери появились еще два уродливых создания, но другой разновидности. Низкорослые, мускулистые до крайности, словно с рождения сидели на диете из анаболиков и стероидов на завтрак, обед и ужин, с безволосой кожей вызывающе-розового цвета, быстро-быстро перебирая корявыми конечностями, они без промедления бросились в атаку.

Забросив «миниган» за спину, десантник схватился за свою бензопилу. Споро запустил мотор смертоносного агрегата и встретил первую розовую тварь страшным размашистым выпадом по горизонтали, вмиг распилив атакующего урода напополам. Второй монстр, сверкая

лысой башкой и осатанело вереща, уже бросился на Большого. Уверенность десантника передалась «сантехнику», поэтому он методично отстрелял все содержимое магазина в раззявленную слюнявую пасть.

Десантник уже прыгнул на подмогу. «Бу-у-у-ум», – пропела бензопила, добивая второго розовокожего.

– Отлично! – похвалил боец, выключая мотор своего жужжащего орудия смерти.

– Я старался, – ответил Большой, без промедления начиная опустошенный дробовик новыми патронами. Благо не позабыл прихватить патронташ с трупа неадекват.

– Та-ак... Кажется, вот он, телепорт. Сейчас попробую поколдовать с этой долбаной техникой, а вы пока прикройте меня.

– Да, сэр! – четко, по-военному, отрапортовал Большой. И внимательно посмотрел на свою напарницу, которая держалась в сторонке от разразившейся бойни. Девушка стояла неподвижно, лицо ее хранило безучастное выражение. Но свой пистолет она выхватила и выставила перед собой, готовая к неожиданностям.

Десантник только начал разбираться с телепортом, как появилась очередная опасность. Раскрылся еще один дверной проем в стене справа, через него в зал хлынули новые уродливые существа и заковыляли к троице людям. Эти с виду разительно напоминали классических «зомби» из киноужастиков... Некоторые из них были облачены в белые халаты с кровавыми разводами и потеками, у пары-тройки на носах уцелели очки с разбитыми стеклами; оставшиеся же явно были экс-десантниками, бывшими сотоварищами бойца, приведшего мужчину и девушку сюда, к телепорту.

Тут же высмотрев самых опасных, то есть вооруженных противников, Большой начал стрелять. Со скоростью реакции у этих «зомби» было туго, к счастью, и в этом они походили на своих собратьев из кинолент, поэтому никто из них не успел сделать ни единого выстрела, пока мужчина снова опустошал магазин дробовика. Отстрелявшись, он схватился за патронташ и крикнул девушке:

– Стреляй же!!!

«Бах! Бах! Бах!» – заговорило оружие, поражая цели.

– С боевым крещением тебя, девочка, – проворчал Большой, выковыривая из ячеек последние заряды и заталкивая их в патронник ружья. – Счет пошел всерьез. Каждый из них хоть и бывший, но человек...

А существа с наружностью «зомби» все прибывали и прибывали.

– Эй, десантник! – крикнул «сантехник» солдату. – Долго ты там будешь копать?!

– Готово! – отозвался боец. – Слушайте меня. Входите в сферу, там круг в центре такой... Увидите, в общем! На панельке сбоку синяя кнопка. Синяя, поняли?! Красную не трогать ни в коем случае! Все, я пошел. Давайте за мной. Прыгать с секундной паузой!

И американец первым нырнул в отверстие, которое в это мгновение разомкнулось в крутом боку непрозрачного, то ли металлического, то ли пластикового шара, установленного посреди зала. О том, чтобы пропустить гражданских впереди себя и прикрывать их эвакуацию, он как-то не удосужился подумать...

– Маленькая, беги туда! Я пока гадов задержу! Вперед, марш!

Девушка ничего не ответила. Она выполнила приказание молча, метнулась к телепортационной установке и, только уже занеся ногу внутрь сферы, приостановилась на миг и оглянулась, посмотрев в сторону своего ведущего... Он успел перехватить взгляд ее глаз, расширившихся то ли от ужаса, то ли от восторга, а в следующий миг девушка шагнула вперед и пропала, канула внутрь шара трехметрового диаметра.

– Ну чё, тормоза?! – по-русски обратился Большой к толпе «зомби», грязной волной накатывающих на сферу телепорта. – Не поспеваете? Хрена вам лысого, а не жизни наши!

Еще через секунду он тоже исчез внутри.

=5=

«...две=шестнадцать=восемь=две=

Да, разумных больше в упор не видать. Упрыгали, так или иначе. Зато неразумные животные, мерзкие чудища, неопишуемые, уродские мрази – те и не пытаются прыгнуть.

Им-то здесь прекрасненько живется и умирается славненько. Законы джунглей в дистиллированном виде, без малейших примесей. Не сожрешь, не спрячешься – отыщут, выковыряют и сожрут тебя. Причем с превеликим, надо отметить, удовольствием-с. Их, скотов неразумных, такое зверское бытие вполне устраивает.

Однако из-за них – именно из-за них – слишком тяжело в этой среде обитания выживать разумным. Как правило, менее выносливым, более слабым физически и позорно медлительным. Почти невозможно выживать, что греха таить. Во всяком случае, на обследованной нами территории.

Эх... Уж слишком мы попривыкали надеяться на костыли и подпорки, помогающие при ходьбе. Опирались на искусственные творения мозгов и рук своих! Раскисли, зачахли, измельчали. Инструменты и оружие помогают, но не всегда и не гарантированно. Так же, как и всякие «боевые» умения типа нин-дзюцу, спецподготовок и курсов по выживанию. Уж я-то знаю, о чем говорю. Среди нас были Шикамада, Иван и Беатрис. Все трое погибли здесь, в ЗОНЕ. Присоединились к еще пятерым из нас, которые сгнули, даже не успев решиться на прыжок.

Между прочим, именно после их гибели – реального, не киношного ниндзя, а также спецназовца ФСБ и агентессы ЦРУ – у остальных желание прыгнуть существенно усилилось. Если уж эти трое не смогли противостоять нечеловеческой среде обитания... то куда было деваться пожилой домохозяйке, отнюдь не худенькому очкарику-студенту, изящного сложения офисной секретарше, классическому «прыщавому задроту» из анемичного племени геймеров и еще некоторым невольным пленникам, по своим «параметрам» абсолютно инородным для здешней окружающей среды... Из двадцати трех нас от силы половина «личного состава» могла считать себя более-менее способной к адекватному самостоятельному выживанию. Да и то в условиях нормальной дикой природы, а не в оживших декорациях к фантастическому хоррору.

Это уж точно во многом из-за того, что здесь вольготно обитают всяческие разнообразные чудовища, и тянет нас, разумных, выпрыгнуть вон, непреодолимо тянет. Уж очень сконцентрированно гады сюда «понапиханы». В разведанном нами сегменте территории за каждым кустом-деревом-углом обнаруживаются почти что. Фактически ни передышек, ни привалов, достаточных для восстановления сил в дальних походах. Попробуй выжить. Вот и не выживаем. За редкими исключениями, пожалуй.

Я же вот живу еще...

Конечно, всегда остается иллюзия – понадеяться на улыбку капризной дамы, Фортуны. Шагнуть наобум, «от фонаря», но при этом ухитрившись не ошибиться. Вдруг подфартит в нужное мгновение вписаться! Правда, пока что на моих глазах никому из моих земляков-единоплеменников не повезло настолько фантастически.

Да, еще можно надеяться на интуицию. Брайю именно на нее и ставил. Часами торчал перед Рубежом, слушал, слушал шелканье Счетчика, прислушивался к чему-то внутри себя... наконец решился и прыгнул. Я в ту минуту не был рядом с ним и собственными глазами не видел огненную вспышку, в которую его загнало интуитивное озарение. Однако абсолютно уверен, что она, сука, ну ничем не отличается от прочих вспышек, из-за которых мне было суждено остаться здесь одному.

Вот ведь ч-черт! Подумать только, чуть больше метра ширины гладкая полоска, что возникает внизу проема в тот миг, когда рассеивается туман. Ровно такая, получается, толщина у Рубежа? Скользя с виду, как ледяная поверхность отлично залитого катка, она возникает

и исчезает, возникает и исчезает, возникает и исчезает... Просто не перешагнуть, ноги у нормальных людей коротки, но перепрыгнуть – в общем-то раз плюнуть!

Все бы ничего, только эта гладкая узкая полоска грозит смертью, она и есть Рубеж, по сути. Она становится неопасной для жизни лишь на неуловимое мгновение. Достаточно в прямом смысле плюнуть на клубящуюся серость, чтобы убедиться. Слюна не замедлит превратиться в комочек пара... Если сумеешь живым пересечь полосу, занырнув в проем, уцелеть – ты свободен. Но осуществимо это лишь в «прыжковую секунду». Появление которой заранее предугадать человеку невозможно, уложиться в которую разумному с недостаточной быстротой реакции – не дано.

На мгновеньице, вожденное и проклятое, смертоносный туман исчезает в проемах «окон» разнообразных видов и форм, которые мы прозвали Рубежами... А здесь, по эту сторону, такая жизнь, что иначе как супердерьмовой ее и не обзовешь. Да не в переносном смысле, а в самом прямом. Всякий, кто сюда завалился, с полным правом может считать себя похороненным на дне выгребной ямы мироздания...

Эх, будь Рубеж не метр с чем-то, а более узким, тогда не понадобилось бы прыгать сквозь него. Полуметровой ширины смертоносную линию перешагнуть, думаю, за полсекунды человек вполне способен. Но для прыжка все-таки нужно хоть чуточку больше. Тем более для прыжка с разбега. Ведь не все люди могут прыгнуть даже на метр с четвертью, не разбежавшись.

Как будто нечто, сотворившее это издевательское мерцание выхода, все скрупулезно рассчитало, чтобы максимально уменьшить шансы человека на освобождение. Когда соблазна нет, с чем-то абсолютно недостижимым еще как-то возможно смириться. Но когда приманка в наличии, когда вот она, есть она, и сводит с ума... Теперь я точно знаю, что для человеческой натуры самое трудное именно это – не поддаваться соблазну.

Именно он, соблазн, сведет меня с ума. Рано или поздно. Тогда прыгну. Как все прочие до меня. Шансов на то, что я интуитивно угадаю и перепрыгну, нет. Вернее, они настолько исчезающе малы, что прыжок фактически равнозначен верной смерти.

Видимо, я настолько привык жить, что пока еще предпочитаю обитание в условиях постоянной угрозы. Выбираю существование на острие ножа, балансирование на призрачной грани, что отделяет запредельно дерьмовую жизнь от ужасной мучительной смерти. Грозящую смерть предпочитаю верной смерти – то есть прыжку...

Остальные тоже очень любили и привыкли жить и ненавидели ЗОНУ. Но они прыгнули.

Меня же что-то до сих пор удерживает. Сам не знаю что. Страх? Ха. Пожил бы кто в ЗОНЕ с мое – посмотрел бы я на него или на нее! Если б ему или ей удалось чудом уцелеть. Восьмеро из нас погибли не в попытке прыгнуть, а прямо в ЗОНЕ. И я, арьергардный остаток уничтоженной группы людей... если не решусь прыгнуть... обречен погибнуть здесь и стать девятым.

Рано или поздно. Своей смертью помереть не дадут, куда уж там и тут! Сожрут, слопают, схрумкают, схарчат, схавают, счавкают... Но вот чего-чего, а страха нет, и уже давно. Кто начинает бояться, погибнет здесь, в ЗОНЕ, быстрее всех. Дрогнешь, на дольку секунды замешкаешься – и ты уже труп. Прямо здесь, в ЗОНЕ, сдохнешь. И никаких прыжков за ее пределы не понадобится.

Но что же, что именно пока еще удерживает от прыжка меня?..

сорок восемь=девять=три=четыре=тридцать пять...»

* * *

– Живые, кажется. – Большой принялся ощупывать себя, будто хотел самолично убедиться в этом. – И куда же нас теперь-то занесло?

– А я знаю! – чуть ли не радостно отозвалась Маленькая.

– Молодец. Опыта набираешься прямо на глазах! Попала сюда на пару секунд раньше и уже успела оценить наше местоположение... хотя скорее уж местопопадание.

– Через пару секунд ты и сам поймешь, до чего это несложно.

– А где, интересно, наш десантник? – озадачился мужчина, прекратил себя осматривать и ощупывать и поднял глаза, чтобы оглядеться по сторонам.

– Наверное, где-то в другом месте. – Девушка передернула плечиками и поежилась. – На орбиту улетел, видимо. Он же туда больше всего стремился, я так поняла.

– Да, мы уж точно не в космосе. Мы... – Большой сделал паузу, невесело ухмыльнулся и добавил: – На диком, диком Западе. Ты права, рекогносцировка совсем несложна.

Пейзаж вокруг действительно очень походил на сельскую глубинку где-нибудь в прериях западных регионов США. Старое шоссе, полузанесенное песком. Кое-где проросшие из красного каменистого грунта корявые кактусы. Знойный ветер, беспощадные лучи солнца. И двухэтажное здание с покосившейся вывеской, которое, как и все подобные заведения, совмещало в себе функции придорожной закусочной, бара и гостиницы. Рядом с ним пустовала стоянка для автомобилей, лишь в углу сиротливо приютился старенький «фордик» с облупившейся краской и выбитыми стеклами.

Единственное, что резко контрастировало с депрессивным пейзажем уныния и запустения, – это новенький мотоцикл, блестящий хромированными деталями. Настоящий роскошный байк красовался неподалеку от здания.

Спутники зашагали к мотелю. А куда им еще оставалось?

Полустершиеся буквы вывески гласили: «У Джоунза».

– Неужели я стремилась именно сюда? – с сомнением прокомментировала Маленькая.

– Если предположить, что мы попадаем туда, куда стремимся на самом деле, то... наши с тобой желания как минимум совпадают, раз уж мы... все еще вместе. Ну что, заглянем к старине Джоунзу?

Возражений не последовало.

– Вот и хорошо...

– Фу, ну и вонища!

Они стояли на пороге барного зала мотеля. Интерьер удручал: по полу разбросаны обломки мебели, осколки битой посуды, всевозможный хлам неведомого происхождения. И как финальный штрих, без которого картина была бы неполной, – разлагающийся труп в углу.

– Бедолага Джоунз...

– Почему бедолага? Сам виноват! – жестко отозвалась девушка. – Торговля травкой и интересными таблетками для подобных заведений в порядке вещей. Неплохой бизнес, кстати.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил мужчина, подходя к кассе и оглядывая ее на предмет наличия чего-нибудь ценного, в то время как напарница контролировала вход.

– Один мой приятель, чтобы заработать на учебу, занимался подобным. Это повсеместное явление. Парни разносят пиццу или толкают травку, девчонки идут на панель... Порой задумываешься, что по ту сторону железного занавеса не все так уж плохо. А порой гора-а-аздо лучше!

– Спасибо, милая, на добром словце! – съязвил старший, выгребая деньги из кассы. – Слышали бы тебя вербовщики советского посольства... И увидела бы ты, во что превратится твой любимый Союз пару десятилетий спустя, к концу века.

Несколько двадцати- и пятидолларовых купюр, а также полновесная, щедрая горсть монет разного достоинства – в том числе и немало серебряных с виду – перекачались в карман Большого. Идущий никогда не знает, что его ждет за поворотом, но любые деньги карман не сильно оттянут и уж точно лишними в пути не будут.

– Смотри-ка, – вдруг сказал мужчина. – Похоже, этот Джоунз и сам был не прочь покурить травку. Вот.

Он извлек из дальнего ящика шкафа несколько самокруток, испускающих отнюдь не табачный аромат.

– Какая гадость! – скривилась девушка.

– И не говори! Как можно вот так запросто убивать свои нейроны? Или это своеобразное болеутоляющее средство, ведь мыслительный процесс многим особям доставляет массу страданий... Забирай свою дрянь в ад, дружок!

С этими словами мужчина запустил россыпью «косяков» в труп...

Который открыл глаза и зарычал, поднимаясь на ноги.

– Ни хрена себе заявочка! – от неожиданности вырвалось у Большого на языке, совсем несвойственном окружающей местности.

Оживший труп клацнул зубами и бросился на девушку. Та вскрикнула, увернулась и выбежала наружу, шустрый же мертвяк с разгону впечатался в косяк. Дверной.

– А я предупреждал, что употребление наркоты до добра не доводит! – высказался Большой и открыл стрельбу прямой наводкой, как в тире. И до того увлекся процессом, что высадил весь магазин, пока остановился.

Но безо всякого видимого эффекта. Бодрому мертвецу прямые попадания пуль сорок пятого калибра были... что мертвому припарки.

– Твою налево итить через коромысло... – бормотал живой далеко не на американском, взмокшими, скользкими от пота руками пытаюсь перезарядить «кольт». Естественно, полный магазин он уронил на пол. Закон вселенской подлости еще никто не отменял.

– А-а-а-а-а-а-а! – утробно рыкнув, полуразложившаяся нежить атаковала живого.

Гнилые черные зубы клацнули у самого горла человека, когда со стороны лестницы, уходящей на второй этаж, в затылок мертвяку прилетел нож. Пользуясь секундным замешательством ходячего трупа, живой отскочил в сторону. Незримый спаситель только этого и ждал – очередь из чего-то автоматического и скорострельного прошла мертвеца. «Зомбированное» существо, или что оно там есть, грохнулось на пол и затихло. Больше не двигалось, во всяком случае.

Живой мужчина подобрал оброненный магазин, вщелкнул его в рукоять «кольта» и вогнал пули в основание черепа бывшего Джоунза, разнося кости и гнилые мозги на мелкие осколки и ошметки. Чтoб уж наверняка.

Отгремели выстрелы, и после этого из тени появился спаситель. Точнее, спасительница. Ею оказалась молодая женщина, облаченная в длинный пропыленный плащ. На многочисленных ремнях и карабинах, в кобурах и подсумках ее экипировки расположился целый арсенал. Большой разглядел и «мини-узи», и пистолеты «глок» и «беретта», и пару кольтовских револьверов... Дополнительной крутизны и суровости даме придавали твердый взгляд серо-голубых холодных глаз и копна нечесаных русых волос, разбросанных по плечам.

– Не укусил? – спросила она неожиданно мягким голосом. Очень нежный тембр был у этого голоса. Ни в коем случае невозможно было подумать, что он принадлежит этакой «бой-бабе».

– Нет, – ответил мужчина.

– Хорошо. Значит, еще немного проживешь. А подружка твоя?..

– Тоже цела. Спасибо тебе!

«Бой-баба» только рукой отмахнулась.

– Как твое имя? – спросил ее Большой.

– Алиса, – ответила женщина, топая берцами по направлению к выходу. С другой стороны двери виднелась поджидавшая снаружи Маленькая, пару минут назад шустро оставившая напарника один на один с нежитью.

– Там, – стоя в проеме, она показала рукой на юго-запад, – видна целая орава этих... Зомби. Прут сюда.

– Значит, так, – наставительно произнесла увешанная оружием «бой-баба». – Хотите жить, двигайте по автостраде на север. Там окопались люди из ЗомбиСквод. Постарайтесь не схватить пулю от них. Всячески демонстрируйте бойцам, что вы живые и нормальные.

Больше она ничего не сказала. Не прощаясь, вышла наружу и направилась к «харли-дэвидсону», сверкающему никелированными частями. Байк завелся с полуоборота, что называется. Утробно рокоча мотором, железный конь покинул стоянку и направился, движимый таинственной Алисой, в противоположную сторону от будущего маршрута, указанного ею двум бродягам. Выжившим.

Все еще живым...

– Что ж, послушаемся совета, – согласился Большой, извлекая из рюкзака пластиковую бутылку с водой и передавая ее напарнице. – Двинемся к бойцам этого ЗомбиСквода... Если бы еще знать, что это за компашка такая.

Девушка глотнула живительной влаги, вернула баклажку мужчине. Он тоже отпил немного и утер губы тыльной стороной ладони.

– Кажется, я знаю, что это. *Zombie Squad* – это нечто вроде народного ополчения, – пояснила Маленькая. – Изначально он создавался как клуб по интересам, для любителей пострелять. Да, подготовка в нем неплохая, почти как в частной армии. Но сама концепция зомби-апокалипсиса была... как бы выразиться поточней... ну, словом, в него, в этот зомби-апокалипсис, никто всерьез и не верил-то. А тут, смотри, действительно приключилось такое...

Коротая время за разговорами и воспоминаниями, спутники месили пыль и песок автострады. Будучи всецело поглощенными дискуссией о плюсах и минусах подобного рода военизированных сообществ, они не сразу заметили валявшиеся вокруг остатки уничтоженных туловищ зомби. В буквальном смысле куски мяса.

– Ни с места! Руки вверх!!! – загремел чей-то голос, вооруженный портативным громкоговорителем.

Большой и его ведомая безропотно выполнили требуемое.

– Окай. Можете опустить руки и подойти.

Дорога здесь делала резкий поворот, огибая скальный «палец» – в пустынной местности повсюду торчали эти одиноко стоящие каменные персты, – и за скалой притаился импровизированный чек-пойнт.

По обеим сторонам на обочинах были припаркованы автомобили. Нескольким внедорожникам и пикапам нарастили листовую броню, из боковых и задних окон торчали пулеметные и винтовочные стволы. Возле эрзац-броневиков с оружием на изготовку дежурили люди в камуфляже «пустынной» расцветки. Чуть дальше виднелась развилка – от этой автострады отделялась и тянулась в западном направлении еще одна серая дорожная полоса.

– Эй, вы! – обратился к спутникам высокий смуглый мужчина, судя по чертам лица, латиноамериканского происхождения. – Целенькие? Укусов нет?

– Нет, нет, – ответил Большой. – Удача миловала. Мы не зомби!

– Хорошо. Поедете с нами. Мы, выжившие, должны держаться вместе.

– Согласен. И премного благодарен.

– Пустое. Стрелять умеете?

Старший и младшая дружно закивали.

– Молодцы, – похвалил их латинос. – Теперь это одно из важнейших умений в жизни... Где же дьявол носит эту разведку?

И тотчас, будто в ответ на его вопрос, на ответвлявшейся дороге вдалеке появились два темных пятнышка. Вздывая тучи пыли, они быстро приближались к развилке с запада, и вскоре можно было различить двух парней в кожаных куртках и ковбойских шляпах, с цве-

тастыми шейными платками, повязанными на лицах. Ковбои моторизованного века, на мотоциклах.

Подъехав к отряду, наездники заглушили двигатели.

– Ну что там? – спросил у них латинос.

– На подъезде к Вегасу нас обстреляли какие-то оборванцы, вон Кейна зацепило. – Один из парней стянул с низа своего лица бандану, прикрывавшую рот, и указал на окровавленную повязку, окольцевавшую предплечье его сотоварища. – Да и в самом Вегасе слышна стрельба. Надо будет обогнуть город и въезжать в него с севера или северо-запада.

– Окай, принято. Что-нибудь еще?

– Да, Карлос. До десятка армейских вертушек кружило над городом. Потом улетели. Мы, собственно, и задержались из-за них, ждали, пока уберутся... Все.

– Что-то замышляют вояки. Ох, не нравится мне все это...

– Мне тоже, сэр, – отозвался второй разведчик, раненый Кейн. – Помнится, в Солт-Лейк-Сити было то же самое. Кружили, кружили, а потом высадили десант. Хотя зараженных в городе было немного, военные зачистили всех. Только нам с Джонни, упокой Господь его душу, удалось тогда скрыться...

– Понятно... Выдвигаемся! – скомандовал латинос-командир. – Доберемся в окрестности Лас-Вегаса, а там уже сориентируемся. По машинам!

Заурчали, заревели разбуженные стартерами моторы.

Но выдвинуться в рейд отряд не успел.

– Внимание, противник!!! – загремел громкоговоритель.

Наблюдатель, занимавший позицию на скальном «пальце», еще не успел спуститься, чтобы занять место в одной из машин.

Из-за скалы показались зомби, бредущие по дороге со стороны мотеля Джоунза.

– Огонь! – скомандовал Карлос.

– Стреляй! – закричал и водитель «хаммера», в котором уже успели разместиться ски-талцы-напарники. Место бортстрелка пустовало, и Большой незамедлительно занял его. – Стреляй же, ради всего святого!!!

Похоже, водитель панически боялся ходячих гнилушек, и неспроста. Большой развернул ствол пулемета и дал очередь по группе зомби.

– Я буду тебе подавать ленты! – выкрикнула Маленькая. – Только стреляй!

– Стреляй! – эхом повторил за ней водитель.

И Большой стрелял. Пулемет исторгал свинцовый огонь, заходясь в пароксизмах ярости. Гильзы дождем сыпались на пол салона, а рядом с этим «хамви», слева и справа, точно так же плевались огнем другие «броневики», разнося нежить в клочья и принося зомби окончательное упокоение...

И наконец бешеная стрельба стихла. Целей просто не осталось.

– Зи эс три! – ожила рация водителя «хаммера», будто специально дождавшись окончания расстрела. – Зи эс три, это зи эс два! Мы застряли в Вегасе, повторяю, застряли в Вегасе. Нужна помощь! Мы засели на обзорной башне отеля «Стратосфера», повторяю, на башне «Стратосферы»... Двигайте сюда, но будьте предельно внимательны. Зомби вокруг, как покупателей на рождественской распродаже!

– Вас понял, зи эс два! Выдвигаемся к вам, – в общем канале связи послышался голос Карлоса.

– Надеюсь, что мы здесь надолго не застрянем, – едва слышно пробормотала Маленькая, и услышал ее только старший напарник. – И как только подвернется какая-нибудь подходящая дверь...

=6=

«...сорок пять=одиннадцать=четыре=

За частоколом из стальных двутавровых балок, сооруженном нами с помощью проржавевшего трактора и «самопальных» строительных приспособлений, раздался низкий протяжный рык тигры. Эту отвратительную зверюгу мы прозвали «тигрой» исключительно из-за окраски, по ассоциации. А в остальном эта мерзопакость с тигриными формами ничуть не совпадала.

Вскочив, я хватанул гранату. Тигра ударилась всем корпусом в частокол и злобно зарычала. Потом запрыгнула на гребень частокола, и я отчетливо увидел ее продолговатую морду, усеянную сотнями и сотнями черно-желтых полосатых колбасок-щупалец. Тварь с наскоку, с размаху, с лету насадилась на частокол и взвыла от боли жутким образом: заостренные верхушки впились ей в брюшину. Глупое создание – и всегда таким было. И останется. Но тяжело вооружено чудовище – это да...

Громоздкая туша, оставляя оранжевые кровавые пятна на балках частокола, перевалилась внутрь и поднялась на шесть нижних лап...

Этих полосатых монстров буквально вышибает из себя наше присутствие по эту сторону Рубежа. Раздражает до последней степени, доводит до точки кипения! Впрочем, они не одиноки в этой активной неприязни. С ними солидарны разнообразные гады, ползучие и летающие, а также плавающие, скачущие и топающие и всякие такие прочие. Любая зверюга, обитающая вокруг в этой среде, будто улавливает испускаемые разумом волны и с момента уловления делает основным смыслом своего бытия истребление источника возмущения.

Между собой они, по крайней мере крупные, еще каким-то образом взаимодействуют. Иногда. Не поголовно друг на дружку ощериваются, а с разбором, с выгодой для сохранения шкур. Но разумных ненавидят до потери пульса, ч-черт!.. Тварюги долбанные... Запахи наших мыслей эти местные звери чувствуют телепатически, что ли?! И такую смрадную вонь они стерпеть просто не в состоянии?..

Честно говоря, тигра – она еще тварь далеко не самая ошеломительная.

Вспрыгнула и завывала черно-желто-оранжевая, а я сидел неподвижно. Спокойно, без волнения. Ни в коем случае нельзя допускать и тени беспокойства. Иначе тончайшая струйка страха, пущенная в коктейль ненависти и отвращения, разбавит его, разжижит. И это разжижение породит логичные, по законам этой среды обитания, последствия. Единственный итог, к которому стремятся все создания ЗОНЫ... или все же будет вернее сказать – создания В ЗОНЕ?

Иного здесь не дано, венец здешнего творения – неестественная смерть.

Побольше и пострашнее. Для других. При этом – собственную шкуру сохраняя. Жизнь за счет смерти. В общем, как и всегда-везде, во всех мирах и реальностях. Но здесь, что ни говори, совсем уж не продохнуть от тварей, жаждущих содрать шкуру с жертвы и сожрать добычу с потрохами, косточек не оставив.

Сейчас, сейчас, морда... Я сжал в кулаке гранату. От тигры меня отделяла дистанция в тридцать метров, всего-ничего. Можно бросать в принципе, и все же я не торопился... Единственному в обозримой округе человеку ведь некого смешить, кроме самого себя. Не спеша монстра надо уделывать. Так, чтобы наверняка. Запас гранат в арсенале почти иссяк, каждая из них бесценна. Точнее, каждая по цене моей жизни.

Тигра не двигалась. Устрашительные у твари клычищи, каждый с половину меня длиной, и покрыты смердящей зеленоватой слизью. У-уэ-эх, клацали они под щупальцами. Угрожали.

«Ну иди. Иди, иди сюда... кошечка... – ласково приговаривал я мысленно, – ну давай, подползай же... сука рыбаглазая... вот он я, разумный, прыгай и жри...»

Она не двигалась тем не менее. Приглашение переваривала, видать. Я вынужденно ждал. От напряжения слезились глаза, ужасно ныла спина. За Рубежом, показываясь на мгновение сквозь окно, солнышко обливало теплыми лучами живительного света зеленеющее море травы. Ветерок шевелил кроны небольшой дубовой рощицы, вольготно разбросавшей стволы метрах в двухстах, правее березовой... Метрах в двухстах, которые мне никогда не преодолеть, никогда в оставшейся жизни не пройти...

Никогда.

Слово-то какое беспощадное. Как смертный приговор... А здесь, по эту сторону, заканчивался свет и надвигалась тьма. Ужасная тридцатичасовая ночь ЗОНЫ, когда на охоту выходят красные твари, похожие на помесь тиранозавруса рекса и жирафы с гибкой, как щупальце осьминога, шеей. Самые большие и трудноуязвимые зверопотамы изведенной нами части территории. Некоронованные короли района, так сказать...

Тигра наконец оборвала паузу и прыгнула, и я отточенным, натренированным движением руки метнул ей в пасть гранату. Прямоком в разверстый треугольный провал, усеянный клыками и окаймленный бахромой полосатых колбасок... Глупая скотина, кабы не разевала она «варежку», прыгая на жертву, гораздо больше с ней приходилось бы возиться. Но ежели этой дурэпе лысой так угодно облегчать мне задачу – пожалуйста! Я-то не гордый, еще и спасибо скажу за то, что хлебало мне подставляет, как по заказу...

Уже падал я в окопную траншею, когда раздался взрыв, и по моей спине преобильно проскакали куски мокрого тяжелого мяса. Жрать эту вонючую «протоплазму», надо заметить, лучше не стоит, разве что с большущей голодухи...

Что и требовалось доказать. Глупая злобная тварь. Я – человек.

Я – умнее.

Граната с начинкой из экстрагированного данзола – это тебе не хлопушка новогодняя...

Потом я долго собирал то, что осталось от тигры, тонны три мяса и всяческой требухи, и с наслаждением швырял в сторону Рубежа. Вспышки озаряли полукруг внутри Частокола, и я грустно улыбался. Единственная повседневная польза от испепеляюще-жаркой серости Рубежа – уничтожение мусора и бытовых отходов. Хоть какая-то.

Но еще печальнее я улыбнулся, когда один кус мяса, тянувший кило на пять весом, попал в прыжковую секунду, точнехонько в промежуток между щелчками, и внезапно оказался там, за Рубежом. Да уж, что ни говори, заслал я подарочек сам себе. А вдруг прыгать все же решусь и прыгну, и получится у меня-таки перепрыгнуть смерть, улыбнется мне Удача... и сразу же – в разлагающуюся тухлятину придется приземлиться после успешного прыжка...

Я резко оборвал эти мысли. Ишь ты, чего удумал! Нашел о чем мечтать, блин горелый. Эх, если бы мне только удалось перепрыгнуть! Прямехонько в то гнилое мясо харей уткнулся бы и горячо поблагодарил... бы... вот-вот, опять это сослагательное «бы», ч-черт бы его подрал!..

Расправившись с останками тигры, прежде чем залезть в Бункер, я неторопливо обходил свой Дом. Теперь уже воистину мой, а не наш.

тридцать три=двадцать=сорок семь=четыре=пять...»

* * *

– Фе-е, какая вони-ища! – брезгливо скривившись, выдохнула девушка.

– Поверь мне, это не самое величайшее из зол мироздания, – отозвался мужчина. – Хотя, конечно, ароматец здесь еще тот.

Скитальцы очутились посреди грандиозной свалки. Скопление отходов жизнедеятельности техногенной цивилизации поражало своей чудовищной колоссальностью. Визуально оно переходило чуть ли не в бесконечность... Лишь где-то вдали, у самого горизонта, просматри-

валось нечто вроде высокой насыпи, поверх которой тянулась дорожная трасса. Призрачные силуэты зданий, напоминавшие городскую застройку, возвышались за ней.

Вселенская помойка ужасала. Помойка гипнотизировала. Казалось, еще немного – и она, подобно выбучим пескам, затянет в свои зловонные недра неосторожного зеваку...

И смрад. Никакими словами не передаваемый «сборник» запахов разлагающейся органики, сероводорода, метана и прочих углеводородов. Выдержать эту атаку мог только подготовленный организм... И то выдерживать недолго.

– Налюбовалась пейзажем? – спросил Большой спутницу. – Валим отсюда.

Обмотав вокруг рта и носа тряпицы, они двинулись в дальнейший путь. Ежесекундно рискуя провалиться сквозь нагромождения хлама, напороться ногой на что-то острое или же свалиться бездыханными от помоечной вони, путники резво пересекали эту «пересеченную» в буквальном и переносном смыслах местность. Черный комбинезон и кожаная куртка мужчины покрылись пятнами, походная одежда девушки выглядела не лучше.

Чвяк-чвяк. Скрип-скрип. Бух-бух. Топ-топ.

– Как только представится возможность, обзаведусь каким-нибудь крепким плащом ниже колен длиной, его-то полегче отчищать от всякой дряни, – проворчал мужчина.

И снова чвяк-чвяк. Скрип-скрип. Бух-бух. Топ-топ.

– Прислушайся-ка, – вдруг обратился к девушке Большой. – Что слышишь?

– Наши шаги-и, – выдохнула девушка. – Слушай, давай потом поговорим, ладно? Как выберемся отсюда...

– Хорошо, – согласился мужчина. – Потом так потом... А жизнь проходит мимо. Прислушайся все же. Ведь это она с нами разговаривает на своем языке. А мы и не замечаем, не обращаем внимания, все потом, потом, позже, не сейчас. А потом... Дьявольщина! Потом, говорю, поздно будет.

Девушка посмотрела на своего ведущего, как на умалишенного. А тот все продолжал разглагольствовать, по всей видимости, совершенно не обращая внимания на царящий дух вселенского тлена.

– И вообще, зачем нам куда-то идти, к чему-то стремиться? Э? Если можно поселиться тут, на окраине этого океана элементов цивилизации... Да шучу, шучу. Но, согласись, есть тут некая своя философия... Ух ты, корпус от старого фольксвагеновского «жука»! Сюда бы археологическую экспедицию...

– Сомневаюсь, что это навалили нормальные люди, – мрачно пробурчала Маленькая.

– Какая ты недобрая! Неужто у вас там не было чего-то подобного?

– Нет!

– Сильно сомневаюсь. Конечно, не настолько эпичных размеров, но подобная прелесть есть в каждом населенном пунк-те. А кое-где, пожалуй, и здешнему пейзажу-натюрморту фору даст. Мда-а. Не свалковед ты, милая, и не свалколюб. Эх ты...

– Не... кто?! Да ты сам ненормальный... свалкер какой-то! Восторгаешься подобной гадостью, поешь ей дифирамбы, приплетаешь какую-то идиотскую философию и вообще...

– Уникум?

– Да! Никто в мире не разделяет подобных взглядов! Даже бродяги относятся к подобным местам... э-э, сугубо утилитарно.

– Отсталые у тебя воззрения! Вот я сейчас поведаю тебе о Воронцове, директоре московской свалки из старого доброго сериала про знатоков, и...

И в этот миг Большой осекся, не закончив высказывания. Судя по выражению ее лица, младшая спутница находилась уже на грани взрыва и продолжать в подобном ключе было чревато. Прекратив донимать ведомую, мужчина прибавил шаг. Глядя себе под ноги, он принялся насвистывать мотив «El condor pasa», в переводе больше известный как «Полет

кондора», хотя в оригинале это название скорее обозначало кондора «идушего». Очень символичное для сложившейся ситуации название.

Если бы девушка не сходила с ума от смрада, она вполне могла бы понять, что старший напарник... иронизирует, чтобы самому не сойти с ума. Но младшая была слишком раздражена и подавлена необходимостью пробираться в глубине мусорного ада...

Не менее полутора часов спустя путники наконец вышли к границе Свалки. Такое неописуемое, воистину колоссальное нагромождение хлама следовало величать исключительно с большой буквы. Увенчанная насыпь широкая автострада, надменно лоснившаяся в лучах солнца, словно кичилась своей чистотой пред Свалкой и пустовала. По ту сторону пограничной дороги раскинулся другой океан, кровный брат уже преодоленного напарниками.

Океан трупоб.

Хлипкие хибары, сооруженные из всевозможных обломков и подручных материалов, начиная от грузовых контейнеров и заканчивая остовами автобусов, перекрытыми листами жести, оккупировали низину. Они погребли под собой близлежащие холмы и зловещими метастазами проникли на склоны гор, расположенных еще дальше. Лишь разлапистые кривоствольные пальмы вносили некоторое разнообразие в этот мир нищеты и отчаяния.

Девушка страшно обрадовалась тому, что поля отходов наконец-то преодолены, но без особого энтузиазма разглядывала трупобные виды. Странно, однако в этом ареале обитания миллионов людей нигде не наблюдалось ни единой живой души. Лишь птицы, похожие на чаек, реяли в вышине вечного неба, бесстрастно взиравшего на происходящее – или скорее не происходящее – внизу, на земле.

– Хе-хе! – Старший путник издал саркастический смешок. – А я узнал, где мы.

– И где же?

– Смотри-ка вон туда...

Младшая глянула в сторону, отмеченную указующим перстом ведущего. На зелено-бурой скале возвышалась белая статуя. Огромное изваяние – мужчина в белых одеяниях раскинул в стороны руки, словно благословляя или беря под сень жителей города.

– Да. Это знаменитый Христос-Искупитель. Мы в Рио-де-Жанейро... э-э, или в чем-то, с виду от него не отличающемся.

– Почему же нет никого?.. – задумчиво спросила девушка. – Куда они все подевались? Их ведь должно быть очень много, если столько мусора навалили.

– Чайки клекают. Вроде собака где-то лаяла... Идем, может, кого из людей и найдем. Спросим. Может, у них сиеста.

– Ты знаешь испанский? – поинтересовалась девушка.

– В Бразилии на португальском говорят. Надеюсь, пару словечек связать смогу... как и на испанском. Ладно, пошли.

Путники спустились с верха насыпи и углубились в лабиринт грязных проулков.

– Хорошо хоть компас есть, – произнесла ведомая. – Не заблудимся!

– Тиш-ше! – шикнул на нее старший.

Слабый горьковатый на вкус ветер, какой бывает на окраинах больших городов, принес звуки человеческих голосов. Где-то там, в дебрях исполинских бразильских фавел, хор из многих глоток распевал нечто заунывное.

– Псалом, похоже, – сказал Большой.

– Почему ты так решил?

– Поют на латыни. «Господи, покарай грешников», и так далее. Религиозная истерия, чего уж там.

– А они не опасны?

– Кто? Эти? Не думаю. Если креститься умеешь. Ты умеешь?

– Да, конечно.

– Вот и все. Если что, просто молчи, говорить буду я.

– Окай... – согласилась девушка привычным ей ОК, «акающим» на американский манер.

Попетляв немного по кривым проходам между хижинами и подобиями домишек, спутники вышли на открытое пространство, как бы «площадь». Эта прогалина в трущобных джунглях с двух сторон имела конструкции из ржавой арматуры, которые служили, вне всякого сомнения, футбольными воротами.

– Точно, бразильцы, – шепнул Большой. Ухмыльнулся и добавил: – Хех, даже распоследние нищие здесь играют в футбол лучше, чем национальные сборные некоторых восточноевропейских стран.

Посреди открытой площадки расположилась группка людей. Вполне живых на вид. Большой пригляделся. Холеный мужчина лет тридцати, с наружностью «офисного хомяка»; пожилая негритянка; худой как жердина подросток; упитанный сорокалетний метис... Все в одинаковых белых мантиях с капюшонами. Метис опирался на посох, напоминавший епископский. Чуть поодаль от этой странной четверки, вокруг нее сидели люди. Множество людей. Разные люди, но в одинаковых белых одеяниях. Сидели они кто на земле, скрестив ноги «по-турецки», кто на корточках, кто на коленях; кому же не хватило места, те позанимали окрестные крыши.

Эти-то собравшиеся люди и распевали псалом, пребывая в самом что ни на есть транс. Монотонная мелодия ткалась из их многоголосья и действительно ввергала в транс. Хотелось заснуть и спать с открытыми глазами...

– Не пора ли нам делать ноги отсюда, босс? – сквозь зубы процедила Маленькая. – Что-то не нравится мне это собрание.

– Погоди немного, сейчас... – пробормотал Большой, всматриваясь в четверку «пастырей».

– Слава Творцу нашему! – внезапно вскричал метис.

– Слава!.. – хором прогремела толпа.

– Благодарим его за то, что он избрал нас и привел сюда, в землю обетованную!

– Благодарим!..

– Благодарим его за то, что он дал нам прозреть!

– Благодарим!..

– Благодарим его за то, что наша вера крепка, как никакая другая!

– Благодарим!..

– Благодарим его за то, что все больше и больше наших братьев и сестер прозревают и попадают сюда!

– Благодарим!..

– Не пора ли нам удирать отсюда по-хорошему?! – заметно нервничая, спросила Маленькая, но ее вопрос остался без ответа.

– А-а-а! – экзальтированно вскричал «спикер» с посохом. – Творец и владыка сущего прямо сейчас привел к нам двоих! Приближайтесь, о брат и сестра, не бойтесь! Сливайтесь!

– Делай, как я, – проинструктировал напарницу мужчина. – Если мы сейчас развернемся и побежим, нас догонят. Надо выкинуть что-то неожиданное, чтобы они растерялись на минутку и у нас появилась фора.

Путники приблизились к «пастуху», сопровождаемые сотнями взглядов. Девушка старалась не выдавать, что нервничает, но в глазах ее был стыл страх, мужчина же был абсолютно спокоен. Он явно придумал какой-то хитрый план, и первым его пунктом было – сделать вид, что они готовы присоединиться к «отаре» фанатиков, слившихся в экстазе поклонения и услужения.

– Брат, сестра! Я вижу, вы прозрели! Я улавливаю искры божественного огня в ваших глазах. Готовы ли вы принять эти белые одеяния в знак того, что теперь вы принадлежите пастве Творца сего мироздания?!

Пуще всего на свете Маленькой хотелось бы сейчас крикнуть «Нет!!!» этому похожему на толстую сытую жабу «поводырю», и это желание буквально засветилось в ее глазах. Но Большой тотчас же энергично ответствовал:

– О да, мой старший брат!!!

При этом мужчина яростно подмигивал девушке, мол, повторяй мои действия, повторяй. К счастью, «брат» с посохом принял эти гримасы за религиозный экстаз. Девушка шумно перевела дух и выдавила из себя тихое: «Si...»

– Прекрасно! Теперь подойдите ко мне! Я шепну вам слова истины!

Большой первым подошел к «пастору». Почтительно склонился, якобы внимая откровению... И внезапно для всех саданул метиса кулаком в солнечное сплетение. Главарь культа согнулся, судорожно хватая ртом воздух. Окружающая толпа синхронно ахнула.

Старший из путников добавил главному «проводнику воли Творца» по жирному заливку. Он не собирался калечить, а тем более убивать. Его задачей было лишь убратся вон. А для этого не покалеченный, но с вышибленным духом предводитель фанатиков подходил как нельзя лучше. Первым делом оболваненные бросятся к нему...

– Бежим!!!

Расталкивая оцепеневших болванов в белых одеяниях, скитальцы ринулись в ближайший переулочек.

Хижина... Перепрыгнуть через грязную лужу... Хибара... Оббежать остов легковушки... Халупа... Поднырнуть под рваный тент...

– Дерьмо!

Тупик.

Решение появилось моментально. Со дна – только вверх.

– На крыши!

Большой подсадил Маленькую и подтянулся сам, взбираясь на плоскую крышу.

Рядом вжикнула пуля.

– Бежим! Зигзагами!

И напарники побежали. Побежали так, как никогда до этого. Выписывая немыслимые кренделя на шатких конструкциях, рискуя поймать шальную пулю или оступиться, рухнуть вниз...

– Налево! Прыгай!

Двое хотели перепрыгнуть улицу, однако прямо под их подошвами хлипкая конструкция покрытия начала разъезжаться!

Но...

Беглецы не провалились внутрь хибары. Ломающаяся крыша накренилась, и они, один за другой, скользнули по листам исцарапанного пластика вниз. Траектория полета вела прямоком в проем входных дверей, сереющий на потемневшей от непогоды стенке соседней хижины.

Последнее, что внезапно узрел взгляд падающего мужчины, – статуя на скале, вознесшаяся над трущобами. У этого Спасителя было совсем другое лицо. Не то привычное, запомнившееся с детства по иконам и распятиям. На самом деле здесь у гигантской фигуры просто не было лица. Только пустой гладкий овал. То ли местные зодчие не успели завершить, то ли даже не собирались. Ведь безликой маске можно было при желании придать любые черты...

=7=

*«...сорок девять=пять=пять=три=
восемнадцать=сорок=тридцать=*

Если взглянуть на то, что мы понастроили, сверху, то общий план будет похож на модель гелиоцентрической системы на парочку планет.

В центре – ясно солнышко, уж какое есть: выданный невесть откуда многотонный шмат железобетона с прилепленными сбоку тремя продолговатыми плитами, образовавшими нишу, которая наполнена серой взвесью, сотворенной неведомо кем. Внешнее кольцо – Частокол, почти правильная рукотворная окружность, отгородившая кусок территории, примыкающей к Рубежу, от ЗОНЫ... Самоирония, конечно, если не черный юмор. Отгородишься от ЗОНЫ, как же!.. Внутри – меньшая окружность, вдвое короче диаметром: это Окоп полного профиля, добротный выкопанный, с укрепленными стенками, основательный.

А в точке, на которую можно было бы поставить ножку циркуля с иглой, располагается он, Рубеж. Иллюзорная дверь наружу, «хлопающая створкой» постоянно, с интервалом от двух до пятидесяти секунд. Вторая ножка этого циркуля, та, что с грифелем, очертила бы concentрические окружности Частоккола и Окопа.

На «орбите» Окопа – шлюзовой люк Бункера. Как бы планета, расположенная на пересечении с линией. Той, которую можно прочертить от точки, где была бы воткнута игла циркуля, до Ворот.

Да, строго напротив Рубежа на этой же линии расположена другая, внешняя планета системы, застывшая уже на «орбите» Частоккола. Ворота. Их проделали в ограде, но уже давненько не открывали... МЫ... И навряд ли так уж скоро их открою Я. Если вообще открою. Пища у меня есть, запас приличный, хватит не на один десяток тьма-светов. И лишь ее отсутствие вынудило бы последнего обитателя выползти наружу из Дома. Только голод мог заставить меня рискнуть, только он способен выгнать за пределы относительно безопасного убежища, в котором я прятался от ЗОНЫ...

Да, именно здесь, в центральной точке Дома, от которой прочерчены окружности Частоккола и Окопа, расположен Рубеж. Рубеж?.. Почему мы так прозвали кособокую, почти квадратную нишу со сторонами примерно в два с половиной метра, приделанную к железобетонной глыбе и наполненную туманной взвесью? На эти фрагменты тумана, окрашенного во все оттенки серого и заключенного в подобию рамок, мы наткнулись здесь и в некоторых других местах ЗОНЫ...

А потому, что эта аномальная серость действительно граница, зар-раза, черт бы ее задрал... Рубежная линия, отделяющая этот жуткий мир от нормальной с виду реальности, которая просматривается, когда туман исчезает на миг. Самый умный из нас, Эл, как-то обмолвился, что возникающая в проеме идиллическая картинка, возможно, просто наша коллективная галлюцинация. Мираж, порожденный нашим страстным желанием вернуться туда, где мы жили-поживали до того, как провалиться в грязную клоаку... Но, сказав такое, Эл сам же тотчас замолчал, побоявшись развивать эту мрачную мысль. Даже он не хотел лишиться последней надежды, что там, за Рубежом, видна картина реального мира. Нормальная реальность, а не утрированная пародия на рай, нарисованная воспаленным воображением.

Вскоре после этого из случайно найденных фотоэлементов, нескольких электронных причиндалов и «вечного» аккумулятора Эл и Брайю соорудили Счетчик. Чтобы хоть как-то помочь нам воспользоваться теоретической возможностью выпрыгнуть вон из этой ненормальной ЗОНЫ. Которая, положив руку на сердце, гораздо больше смахивает на кошмарное сновидение, галлюцинаторный бред или наркотические глюки.

Теперь лишь я один постоянно слышу, как датчик отсчитывает прыжковые секунды. Щелк-щелк. Щелк-щелк. Щелк-щелк. Ще... С ума сойти!!! Сумеешь в промежуток выпрыгнуть, если успеешь перелететь метр с небольшим – ширину гладкой нижней полосы Рубежа, – и уходи.

По траве уходи, к Солнцу, к тем во-о-он дубам, кроны которых ласково шевелит ветерок, или к тем вон березкам... Эх, чудо-то какое! Глаза б его не видели... И ласковый ветерок, обалдеть!.. В изведанной нами ЗОНЕ, когда тьма, могут в любой момент задуть свирепые леденящие ураганы, а когда свет – обжигающие самумные вихри или чудовищные воронки торнадо,

или немыслимые по скорости ветра шторма, крошащие все на своем гибельном пути... Нам, к счастью, далеко не весь спектр напастей пришлось испытать на своих шкурах в ближайшей к Дому окрестности. Однако двое-трое из «залетных» братьев по разуму охотно поделились испытанными невзгодами, когда общение с ними становилось возможным.

Смерть, полыхающая огнем при попытке проникновения сквозь Рубеж, исчезает лишь в этом месте и в других, ему подобных. Всего разумнее было бы назвать проемы... калитками изгороди, черными выходами, заборными дырками, в конце концов. Но Брайю сказал: Рубеж. Прижилось. Так и говорили: Рубеж. С заглавной, большой буквы. Имя собственное. Как и другие имена собственные. У нас тут все с большой буквы, со смертоубийственным уважением: Бункер, Счетчик, Окоп, Частокол, все вместе – Дом... и ЗОНА.

Да уж, это ненавистное слово – целиком из больших букв, в знак особой, так сказать, непреходящей ненависти. ЗОНОЙ, кстати, первым обозвал ее не кто иной, как я. Вслух произнес имя, мысленно принеся извинения Братьям Стругацким, некогда, в «прошлой» жизни, весьма чтимым мной писателям-фантастам.

Займствование прямое, с отражением пусть не формы, но самой сути. Лучшего названия для здешней окружающей среды и не придумать было. Это же, как родимое, приклеилось намертво, не отдерешь. Тут вообще все – намертво. Слишком тонка перегородочка, отделяющая жизнь от смерти.

Часто и не разобрать, ч-черт задери, где тут что...

шесть=одинадцать=шестнадцать=

пятьдесят=две=восемь=десять...»

* * *

– Вот это да! Ничего себе! – восхитилась Маленькая вслух.

Полуразрушенный монастырь, во дворе которого очутились напарники, был исключительно живописен. Известняковые стены кремового и нежно-розового цвета были покрыты темно-зелеными пятнами мха. Кусты шиповника, некогда посаженные ровными рядами, теперь разрослись, местами превратив двор в колючие лабиринты.

Низкие одноэтажные строения давно превратились в груды камня, но высокое здание со шпилями, словно сошедшее с картинки из учебника по истории средних веков, устояло. Шпили, статуи святых в нишах, окна, витражи – все устремлялось ввысь, к небесам... какими бы сумрачными они ни были сейчас.

– Эх, нравится мне готическая архитектура, – произнес Большой. – Красота-то какая. Заглянем внутрь?

– Заглянем. Только... у меня теперь все, связанное с религией, не очень хорошие ассоциации вызывает...

– Да, ты права, держимся на чеку. Мало ли какие твари сюда... м-м-м... могли раньше нас заглянуть помолиться. Однако я был не прав, Маленькая, решив, что те сектанты в общем-то безобидны. Прости, твоя интуиция в этот раз оказалась чувствительнее.

– Сочтемся, – улыбнулась краешком губ девушка.

Осторожно ступая по растрескавшимся плитам, они вошли в здание церкви. Одна створка входных дверей лежала на полу, другая же беспомощно повисла на одной петле. Когда девушка ее задела, створка издала душераздирающий скрежет, многократно усилившийся эхом.

– Тиш-ше! – прошипел мужчина. – Акустика тут... готическая.

Изнутри церковь пребывала в таком же плачевном состоянии. Убранство давным-давно было разбито или уничтожено иными способами. Фрески потемнели и кое-где покрылись

бурыми пятнами. Крыша в нескольких местах провалилась, и солнечные лучи вносили толику света в этот мрачный беспорядок.

– Покрой голову, – полусуто заметил Большой.

– Чего?..

– Женщине же нельзя находиться в церкви с непокрытой головой...

– Да?.. – переспросила Маленькая. – Но поче...

Однако договорить этот вопрос ей было не суждено. Громом посреди ясного неба, словно ангел вострубил в последний час, раздался колокольный звон! Напарники от неожиданности аж присели. А звон гремел, не смолкал, он отталкивался от стен, от потолка, от карнизов и обрушивался на двух людей, что вторглись в церковь.

Из-за громогласного звона люди не расслышали шагов, но Большой краем глаза успел заметить какое-то движение на лестнице, удивившей в колокольную.

Резким толчком в спину отправив спутницу за колонну, сам он спрятался за соседней. И вовремя! Точку, где миг назад они находились, накрыл заряд дробы. Одновременно звон прекратился – внезапно, как и раздался. Выстрел и последовавшие за ним клацанье затвора и грохот падения стреляной гильзы произвели впечатление овеществленного божественного гнева.

Напарники затаились за колоннами. Когда улеглась пыль и воцарилась тишина, мужчина рискнул выглянуть из-за кромки укрытия... И тотчас же нос к носу столкнулся со стрелком. Стрелял человек... Облаченный в пыльную линялую сутану, подпоясанную разлохмаченной веревкой, этот человек был стар. Лицо его изуродовали глубокие морщины, веночек волос вокруг тонзуры, выбритой на макушке, отливал инеем.

Насколько человек был стар, настолько же он казался безумным. Блеклые голубые глаза буквально засветились жаждой убийства.

Сделав подсечку Большому, на секунду замешкавшемуся от неожиданности, «монах» ухитрился свалить непрошеного гостя на грязный пол. Служитель церкви наставил на него крупнокалиберный, с прикладом помповый дробовик, нараспев произнес: «In no-mine patris, et filii, et spiritu-us sancti! А-амено!», и начал жать на спусковой крючок... Но Большой оказался проворнее, он был категорически не согласен с подобным приговором, способным столь бездарно оборвать его отчаянный путь домой. Нашупав рукой увесистый обломок чего-то деревянного, мужчина успел швырнуть его в голову убийцы в сутане и перекатился влево.

Выстрелил служитель сразу, без предисловий, его цель просто не успела бы сменить положение... Но именно это молитвенное посвящение спасло Большому жизнь. Во имя отца, и сына, и святого духа! Прогрепевший выстрел роем свинцовых шариков выбил чудом уцелевший доселе витраж с изображением пастыря и овец. Неубитый гость рывком вскочил на ноги.

– Побегаем, сволочь?! – крикнул он по-русски и рванул в сторону алтаря. Туда, как он заметил, уже переместилась и там спряталась девушка. Укрывшись за массивным, покрытым вмятинами и выщербинами металлическим котлом, предназначение которого ни он, ни она не знали, напарники затаились.

Свихнувшийся служитель религии, шаркая подошвами и бормоча что-то на латыни, уже направлялся к алтарю и котлу...

– Делаем так: одновременно выбегаем в разные стороны, дальше по обстоятельствам, – проинструктировал Большой по-английски. – Ты, главное, держись подальше от этого психа, Маленькая, и все будет в порядке! Поняла? Итак... Вперед!!!

Как будто тараканы, застигнутые включенным светом, девушка и мужчина припустили влево и вправо. Церковный среагировал моментально. Заряд дробы полетел вслед большей по размеру цели... Ба-бах! Перезарядка. Еще один ба-бах! И еще...

Два, три и четыре. У сумасшедшего служителя в запасе осталось не больше парочки патронов...

– Эй, ты!!! – завопила внезапно девушка.

Псих резко повернулся к другой цели и послал в ее сторону еще заряд дробы.

Пять. Большой уже целился из своего «кольта» в профиль обезумевшего «монаха»... Но тот вдруг обернулся к нему. Взгляды их столкнулись, встретились. Большому раньше как-то не доводилось стрелять в людей вот так, глядя им прямо в глаза. И он снова замешкался на секунду. Убийце в сутане ее оказалось достаточно для двойного клац-клац и нажатия спускового крючка.

Клац... Затвор дробовика выбросил цилиндрок стреляной, опустевшей гильзы.

Клац. Дослан следующий патрон. Последний скорее всего, но и одного достаточно...

Щелчок спуска.

Выстрела нет.

Осечка!!!

Та-дах!!! Гулко выстрелил «кольт».

Магнумовская пуля, выпущенная им, угодила старому «монаху» прямо в сердце.

Не пожелавший принять гостей с миром защитник церкви опрокинулся и рухнул, скошенный орудием системы Мистера Кольта, уравнившим права людей, которых Мистер Бог создал разными. Рядом грохнулся на пол дробовик, все заряды которого пролетели мимо целей.

– Requiescat in pace, тьфу, – сплюнул Большой и перевел с латинско-церковного на человеческий: – Покойся с миром, последний защитник. Вот тебе и готическая красота... Маленькая, идем отсюда. В этом осиротевшем оплоте религии нам делать нечего.

– Да, нам вон туда, кажется, – согласилась девушка и показала на дверь, ведущую в кулуары за алтарем. Клубившаяся в этом дверном проеме непроглядная серость через промежутки разной длительности на мгновеньице сменялась четкой картинкой. На секундочку в проеме проглядывалось пространство, с виду ничем не напоминавшее помещение для священников, которому в любой церкви положено там находиться.

Упокоившийся служитель в эту дверь при жизни так и не выходил. Он не решился покинуть свой храм в поисках иной доли.

=8=

*«...семь=тринадцать=сорок две=
пять=пятнадцать=девять=семь=
сорок пять=шестнадцать=пять=*

И все прыгнувшие – кроме четырнадцатой Олры, но она просто отчаялась! – пытались выискать в сдвоенных щелчках определенную систему. Тринадцать вспышек, следствия их прыжков – доказательство прискорбной истины, заключившейся в том, что никому из моих товарищей по несчастью систему отыскать не удалось. Никто из них не разгадал ребус. Но вначале необходимо все-таки доказать наличие какой бы то ни было системы в принципе. А после уж разгадывать сию шараду, определять параметры и припоминать слова для кроссворда.

Они все убеждали себя, наивные, что какая-то система прерывания – есть. Но лично я в этом абсолютно не уверен.

Поэтому даже не пытаюсь. Они – пытались. Все. Кроме Олры. Но она отчаялась... В результате приходится признать – мне, единственному, кто это признание еще способен сделать: все, кроме Олры, тупо прыгали «на авось». Слепо надеялись. Цеплялись за тот самый исчезающе ничтожный шанс. Верили в иррациональное везение. В подарок судьбы. С-суки злорадной...

Поэтому наугад играли «в очко» с неумолимой теорией вероятности. Стояли, дрожали, что-то там в уме просчитывали, высчитывали... и таким вот образом, как одержимые, свет за

светом, с перерывами на тьму, по очереди считали, надеялись, желали. Затем рано или поздно они прыгали – когда им чудилось, что уловлено или просчитано: вот-вот прозвучит первый, начальный щелчок...

Их всех больше нет. А я пока – есть. И я пока живой. Не прыгаю.

В ЗОНЕ я.

Я трус. Потому что. Не боюсь тигр, не боюсь прочих скотов и скотин местных и пришлых, малых и больших, глупых и не очень, наверное, я даже красных жирафозмеерексов не боюсь, но вот прыгнуть – страшусь позорно, до дрожи в кончиках пальцев, до грани обморока.

Странно, если разобраться по существу. В жизни ДО ЗОНЫ я, случалось, подумывал о самоубийстве, и мне твердила «окружающая среда обитания»: что самоубийство – трусость, что это не выход, достойный человека. Всего лишь аварийный люк, черная лестница. Живи там, где живешь, и радуйся тому, что живешь, пускай и по уши в безысходной тоске и боли. Жизнь, мол, прекрасна, пускай и не для всех... В ЗОНЕ жить не лучше, хотя и по иным причинам; внутренняя среда обитания – сплошной ночной скрученный кошмар, из тех, от которых просыпаешься с безумным воплем на устах... Ничуть не сахар, словом. Даже не сахарин. Но аксиома внешнего мира «самоубийство – трусость» сидит в моем сознании крепко-накрепко, окопалась на совесть, и тут уж я не могу заставить себя перепрыгнуть собственный инстинкт самосохранения. Синоним – «самоубиться». Само – нет-нет, ни за что! Не дождешься от меня подарочка, ЗОНА!!! Слышишь?!

Да и не верю я, не верю, что мне в этой Рубежной лотерее может выпасть счастливый билет. Не верю в «авось». Но... иногда ужасно хочется, до чего же хочется поверить... И, странным образом, по духу это желание поверить в Удачный Прыжок невероятно близко желанию верить в Чудо. Тому, что нередко возникало в убогой и беспросветной жизни, которая выпала на мою долю там, в период до ЗОНЫ...

Наверное, я мог бы прыгнуть. Прыгнуть еще самым первым. Но двадцать третьим, последним, – уже не смогу. Насмотрелся. И не могу. Только глаза закроешь – и вспышки, вспышки, вспышки...

*семь=четыре=сорок три=одиннадцать=
шесть=семь=сорок=две=три=две...»*

* * *

Солнце, этот древний бог, почти во всех пройденных мирах светило одинаково. Во всяком случае, оно было таким же, как и привычное с детства. Если только не скрывалось за облачной паранджой. Что происходило нечасто.

Местечко, куда теперь угодили он и она, можно было бы назвать райским. Раскинувшееся неподалеку синее-синее, словно в нем купорос растворили, море гоняло легкую зыбь, пробуя на вкус изжелта-белый, цвета благородной элфантины, берег из мелкого, приятного на ощупь песка.

Неуловимый бриз легко, будто забавляясь, целовал созерцателей. Это местечко можно было бы назвать райским... можно было бы.

Ехидное окружающее сущее, чтобы жизнь ей и ему не казалась медом, коварно подсуло им очередную подлость. Посреди россыпи видневшихся вдали невысоких курганов, покрытых менгирами и дольменами, готовилось состояться сражение. Таясь среди складок местности, он и она извлекли из рюкзаков бинокли и приготовились вооруженно наблюдать...

Группы мегалитов, на первый взгляд хаотически разбросанных, были превращены в некое подобие укрепрайона. В неглубоких рвах из дна наверняка торчали заостренные колья. Сооружения не особенно эффективные, конечно. Времени оборонявшимся явно не хватило. Впрочем, от прямых наскоков кавалерии эти рвы вполне могли спасти.

Отряд всадников, числом около трех десятков человек, объехал курган, вбирая его в кольцо, и через проходы между рвами нападавшие ринулись внутрь, вынужденно скучившись. Пролетела стрела, вышибив всадника из седла... Еще одна и еще... За огромным менгиром высокий мускулистый парень в набедренной повязке и рогатом шлеме сбил конника длинным копьем и тут же юркнул в промежуток между дольменами.

– Крики умирающих врагов – вот настоящая музыка для уха истинного воина, – процитировала кого-то она и вынесла свой вердикт: – Безумие!

– И не говори... – задумчиво молвил он и поскреб жесткие волосы на правой щеке. – Но коль уж мы участвуем в этом безумии, надо играть по установленным ими правилам.

– Ими? Кем это ими?

– Не знаю. Как у Стругацких, да. Гомеостатическое мироздание как бы...

– Какое мироздание? И кто такие эти... Стругацкие?

– Потом как-нибудь расскажу. А сейчас, как я и подозревал, надо помочь этим.

– Каким, всадникам?

– Ни в коем случае! – Он передернул плечами. – Эти справились бы и сами.

Он разглядывал в бинокль, как усатый мужчина, похожий на кочевника-монгола из фильмов про хана Чингиза, разделявается с двумя конниками.

– Откуда ты знаешь, кто они вообще такие? Может, это стражники ловят беглых преступников, э? – прищурилась она.

– Не шурься из солидарности с ними, ты и так достаточно монголоидная. А почему я решил... Да как тебе сказать! Интуиция. Чувство пути. И я начинаю привыкать доверять ему. Те всадники определенно плохие парни. Оставайся тут.

Он сбросил рюкзак, выпрямил спину и, не таясь, зашагал в сторону разразившегося столкновения. Его заметил один из конников и поскакал прямо к нему, размахивая смертоносно поблескивающим боевым топором. Эти угрожающие движения словно приговаривали: «Давай, дружок, давай, еще ближе, еще...»

Идущий держал пистолет по-ковбойски, у пояса.

Он очень четко видел яростно блестящие глаза воина неведомого племени, яростный волчий оскал. Лоснившаяся кожаная броня с нашитыми металлическими бляшками, нагрудник с вычеканенными змеями... воистину этот воин был грозен и устрашающ. Но не для того, кто повидал противников, выглядевших несоизмеримо грознее и гора-а-аздо более устрашающих, чем всадник с примитивным рубящим оружием.

Кочевник почти поравнялся с ним и уже занес для удара свой топор. Она испуганно вскрикнула и зажмурилась, закрыв ладонями лицо, чтобы не видеть того, что вот-вот случится... Он спокойно выжал люфт спускового крючка и в упор выстрелил в атакующего всадника. Тут же отпрыгнул влево, дав лошади с уже мертвым наездником пронестись мимо. Глянув на поле битвы, он обнаружил, что там его помощи уже никому не требуется: последний выживший всадник в глухом шлеме и черном, величественно развевающимся на ветру плаще спешно ретировался.

Тяжко вздохнув, он развернулся и побрел назад, к ней.

– И что это было? – закономерно поинтересовалась она. – Стоило так рисковать?

– Стоило или нет, не нам решать. Но ты подумай, где мы в этой голой степи найдем хоть какое-нибудь подобие двери? Посмотри еще раз в бинокль, видишь, вон там, в тени этого...

– Вижу, вижу! Теперь поняла. Чтобы пробраться туда, нам обязательно надо было подружиться с...

– Можешь ведь, когда захочешь, – удовлетворенно заключил ведущий.

* * *

...Он, порывшись в нагрудных карманах, извлек солнцезащитные очки и водрузил их на породистый крупный нос.

– Уф-ф, жара-то кака-ая, – жалобно проговорила она, вытирая рукой лоб, сплошь залитый потом.

– Стекла, конечно, с трещинами, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Извини, деточка, мне нужнее... Идем. Можешь закрыть глаза и держаться за меня. Главное, что я уже разглядел и знаю, куда вести.

Пройдя с километр, и младшая наконец-то увидела то, что ее ведущий заприметил сразу. Продолговатое бурое пятно, выделявшееся среди ослепительного бело-желтого окружения. Объект был настолько похож на...

– Корабль! – вскричала она.

– Ну, не совсем, – поправил он ее. – Катер скорее всего или яхта...

Когда они наконец-то добрались к бывшему плавсредству, солнце как раз вскарабкалось в зенит. По дороге постепенно поджаривая яростным ультрафиолетом окружающий путников мирок.

– Тень, те-ень, – страдающе произнесла она, забираясь на борт и практически падая в объятия прохладной тени, царившей в каюте.

Забравшись следом, он критически оглядел палубу яхты. Две мачты, заржавелые и источенные солью, торчали эдакими корявыми огрызками. На палубе вповалку, вперемешку валялись обрывки такелажа... и тела. Мумифицировавшиеся трупы в клочках одежды лежали прямо там, где их настигала внезапная смерть.

– Да-а, – протянул он. – Слушай, малышка, как думаешь, из-за чего может враз испариться целое море?

– Чего-чего?... – пролепетала она.

– Я говорю, что же такое могло не только их всех в одну секунду поубивать, но и испарить целое море?

– Ядерный взрыв, – предположила она.

– Не похоже... Ударной волной тут разметало бы все, к чертям свинячьим. Да и представь себе мощь заряда, способного мигом испарить целое море. Нет, здесь что-то другое.

– У меня нет никакого желания выяснять что. Видишь?

– Вижу. Здесь нам точно нечего ловить. Уходим... Какое счастье, что здесь проход сразу нашелся. Если бы я знал, куда ведет дырка в основании того менгира, то предпочел бы лучше там остаться и поискать другой ход. Только бы не сюда...

– Если бы мы знали, куда что ведет, то это была бы совсем другая история, – резонно отметила она.

=9=

«...сорок две=пять=восемь=двадцать две=

Дождавшись очередной прыжковой секунды и бросив мимолетный взгляд на солнечную равнину, расстилавшуюся там, за Рубежом, я полез в Бункер. Тоже, конечно, название с большой буквы. Самое важное, исполненное особым смыслом имя. Не будь его, Бункера, никто из нас не выжил бы «ночью». Когда тьма сгущается и подступает к Рубежу, как густой кисельный туман, и сливается с его почерневшей серостью... Вот тогда появляются все эти болбы, жакли, ормелы, барбозы, шокклы, луваски, красные рексы, вреки, жуткие черные юборнесы и всякие прочие премилые созданыща, которым мы постепенно, лишь бы как-то обозначить

этих оживших страхолюдин из кошмарных снов, надавали всяких названий с маленьких букв. И вот тогда они стелются, крадутся, топочут, ползут, топают, скачут, катятся, лезут, шагают, летят, скользят по ЗОНЕ, чувствуя себя полновластными ее хозяевами.

И во тьме только стены Бункера способны обеспечить защитой. Стальные, металлические, свинцовые, титановые... а ч-черт знает, какие именно, из чего они сделаны!.. Они дарят отсрочку, позволяют надеяться, что Зверь не учует запах Человека... Мой запах... уже не наш... Один я. Один, один, один, один...

Прыжок – он тоже. Всего один. Пан или пропал. Чертова дюжина плюс одна отчаявшаяся – пропал. Минус восьмеро, что погибли здесь, не успев воспользоваться правом на прыжок... Не верю, что последнему из двадцати трех пленников в лотерее судьбы выпадет участь быть паном.

Один... Никогда бы не подумал, что мне будет настолько больно. Там и тогда, еще до ЗОНЫ, казалось, я испил горький коктейль одиночества и боли до самого доньшка. Но и вообразить не мог, не сумел бы, что истинное одиночество неизмеримо горше, нежели самое беспредельное там.

Там, где есть хотя бы кого ненавидеть. Где есть ты и те, кто ненавидит тебя. Люди, которые хоть какие-нибудь чувства по поводу твоего существования испытывают. Пусть равнодушие. Оно ведь тоже чувство, своеобразное. Но тому, кто не оставался один в ЗОНЕ, этого просто не понять. Никогда. Уж я-то уверен. Здесь у меня больше нет никого. Не в переносном смысле, а в прямом. Даже тех нет, кому я безразличен. Наверное, лишь затерянный в космосе выживший пилот звездолета, у которого отказал движитель, мог бы меня по-настоящему понять...

Грустная ирония: на дисплее Счетчика никогда не появится цифра =1=, единичка, с обеих сторон закрытая сдвоенными черточками. Одной секунды промежутка между появлениями выходного проема – не было. Пока еще, во всяком случае, не наблюдалось... Зато я – уже один. А для того чтобы утратить, чтобы навсегда лишиться последней ниточки, спасающей от вселенского, неопишуемого одиночества в ЗОНЕ, которое хуже смерти, достаточно и одной-единственной секунды.

Прыжковой, ч-черт бы ее располосовал!.. у-у-у, ненавиж-жу! хуже ЗОНЫ... так ненавижу, что даже с большой буквы называть не желаю!

Ее отображение в виде циферки «1» никогда, никогда не появится на экране.

Да что там секунды... тысячной дольки секунды с лихвой достаточно, чтобы лишиться последнего напарника, другого человека, вдвоем с которым еще можно было бы на что-то надеяться. Красивое слово, вычурное, но – верное... Псссссссссссс – и нету Эла. И больше никому до тебя никакого дела. Ты один. И ЗОНА. Хочешь жить – влачи. Не хочешь – прыгай. Ха. Просто, как... повеситься. Кто пытался всерьез, тот знает, до чего же это непросто на самом деле.

А захочешь кого-нибудь полюбить, люби на здоровье. Каламбур, ха-ха. Обожай всех тварей, что к твоей персоне испытывают исключительно гастрономический интерес. Больше и некого здесь любить. Жизнь моя жестянка, а ну ее в... не-е-е, не дождется!..

Но что же делать, что мне теперь делать-то? И Эл ушел. Прыгнул. Даже он не выдержал, хотя на полном серьезе заявлял мне, что: «...только после вас, русский друг! Слово джентльмена...»

Это из-за нее. Семь тьма-светов минуло после шага Олры во вспышку, и за эти семь циклов англичанин сбрендил. Утратив ее, самым натуральным образом сошел с ума! Единственный, кто сошел с ума не от пытки соблазняющих, манящих в ад или рай сдвоенных щелчков. Вот он и стал двадцать вторым ушедшим, бросившим меня подыхать от одиночества. Верь после этого английским джентльменам на слово!

Но как же я?.. Я ведь тоже ее...

А, ч-черт!..

Да, я не прыгнул.

Я живу. Наверное, все-таки не любил ее. Просто она была очень красивая и сексапильная женщина. А женщин среди нас вообще было всего девять. Причем шесть из них в моем представлении – одно название, что женщины. Но даже ни одну из них я своей подругой, постоянной партнершей не отважился бы назвать. Не говоря уж о тех трех, которые были, по-моему, очень даже женщины... А ведь мы просуществовали не так уж мало времени здесь, все вместе, колхозом. В одном помещении, по сути, обитая. И сколько раз приходилось, лежа, сцепив зубы и скорчившись за своей занавеской, слышать, как другие... эх. А в редкие ночи, в которые мою постель наконец-то «согревала» по жребию одна из особ женского пола, становилось еще хуже. Потому что, видимо, такой уж я ненормальный. Мне, вишь ли, даже в этой нечеловеческой ситуации подавай нечто большее, чем просто секс... Натура такая, что делать.

Если уж пожелать, то самого невозможного. Любви.

А теперь и Бункер, и все, все, все, что мы соорудили-понастроили, все, что накопили для того, чтобы выжить в ЗОНЕ, – в моем единоличном распоряжении. Мы объединились, чтобы выжить, и выживали, осознав, что сила наша – в единстве. Не самый характерный для изведенной ЗОНЫ случай наверняка!

Жили. Пока не начали прыгать... Но я бы отдал все, согласился бы даже прыгнуть, клянусь! Отдал бы за одно-единственное вознаграждение!

Если ты есть, господи милостивый, и можешь как-то влиять на ЗОНУ, подари мне хоть кого-нибудь!!! Слышишь?! Или забирай мою жизнь. Сам себя я не прикончу, не дожидаясь ЗОНА, так подстереги и ударь внезапно, в спину... На кой мне сдалась-то она, такая жизнь...

Но тебя нет, бог. Я в твою волю больше не верю. Иначе ты даровал бы мне избавление. Не позволил бы так отчаянно страдать, не подверг бы настолько изуверским пыткам... И потому твое имя я произношу с маленькой буквы.

Нет тебя.

Есть только ЗОНА. Вот в нее, проглотившую меня, я верую.

А что еще остается? Тому, кто не прыгнул?

восемь=восемь=восемь=

семь=четыре=три=пять=семь=

тринадцать=шесть=шесть=шесть...»

* * *

– Сно-ова пустыня... – протянула девушка.

– Пустыня пустыне рознь, – многозначительно заметил мужчина. – То была мертвая пустыня. А эта – живая.

– Ну да, ну да. Верблюдов я тоже вижу, – язвительным тоном отозвалась она.

Поодаль, у подножия длинного и высокого, словно песчаное цунами, бархана и впрямь обгладывало колючие кусты небольшое, с десяток особей, стадо верблюдов. Оседланные, с навьюченной поклажей, переметными сумами и прочей сбруей, и – никакой охраны. Неудивительно, что это зрелище провоцировало соблазн угнать «кораблей пустыни».

– Украдем? – предложила Маленькая, озорно сверкнув глазками.

– Нет уж. Тот факт, что они тут топчутся без охраны, напрочь выбивается из нормального положения вещей. А если что-то идет не так, лучше от этого «чего-то» держаться как можно дальше, соображаешь, о чем я?

Она кивнула.

– А может...

Но девушка не успела озвучить идею.

Там, за длинным барханом, грянул хор мужских голосов, распевających на... немецком?

*Auf der Heide blüht ein kleines Blümelein
Und das heißt: Erika.
Heiß von hunderttausend kleinen Bienenlein
Wird umschwärmt, Erika.
Denn ihr Herz ist voller Süßigkeit,
Zarter Duft entströmt dem Blütenkleid.
Auf der Heide blüht ein kleines Blümelein
Und das heißt: Erika².*

– Что-о?! – вскрикнула девушка. Мужчина тотчас вскинул руки и зажал ей рот ладонью.

– Тихо, тихо, малышка... – зашептал ей в самое ушко. – Я, кажется, понял, где мы. Дойче шпрехе еще не совсем выветрился из памяти. Германские фильмы на кассетах без перевода опять же не давали забыть.

Он отпустил напарницу, пригнулся и взбежал на бархан. У вершины остановился, стараясь не шуметь, залег и преодолел последние метры по-пластунски, ползя по предательски осыпающемуся песку.

Мужские голоса продолжали дружно распевать:

*А в краю родимом девушка живет,
Имя ей – Эрика.
Нет ее дорожке и верней ее,
Счастлив я с Эрикой.
Только вереск свой распустит цвет —
Посылаю в песне ей привет.
Пусть скорей цветочек милый зацветет,
Жди меня, Эрика!*

Стараясь не сильно высовываться, Большой выглянул из-за песчаной кромки... и обомлел. Ему в нос, в рот, в уши лезли песчинки, но мужчина не обращал на них внимания. Настолько его поглотило все, что происходило внизу.

Взору открылось вот что. Из центра круглой площадки, выкопанной и утрамбованной в песке, а по краям обложенной мешками с тем же песком, прямо в небо уставились стволами два орудия. Человеку, некогда почитывавшему справочники по военной технике времен Второй мировой войны, не составило труда определить, что это зенитка Flak-88.

Возле зенитных орудий на ящиках из-под снарядов сидели люди. Кто-то из них потягивал что-то из жестяных кружек, кто-то курил, а кто-то снаряжал патронами автоматные магазины. Облачены сидевшие были в чрезвычайно пыльную одежду, поэтому идентифицировал их Большой по валявшимся поодаль каскам. И по «репертуару» пластинки, крутившейся на патефоне, установленном сбоку от зениток.

Узрев все, что ему было необходимо, старший напарник пополз обратно.

– Что там?

– Немцы.

– Немцы?

² На лугу цветочек маленький расцвел, / То цветок вереска. / И вокруг него кружатся сотни пчел, / Сладкого вереска! / Машиет их волшебный аромат / Лепестков, что на ветру дрожат. / На лугу цветочек маленький расцвел, / То цветок вереска... – Текст известнейшей маршевой песни «Эрика» (автор Хермс Ниль, перевод Я.С. Семченкова), основан на игре слов: Erika не только женское имя, но и вереск по-немецки. Именно ее мелодия чаще всего невольно возникает в памяти у людей по ассоциации, когда заходит речь о германских маршах Второй мировой войны.

- Да, мы, похоже, во фрагменте тысяча девятьсот сорок четвертого года.
- С чего ты взял?
- А с того, что такая одиночная огневая точка, без поддержки, тупо изолированная...

Жест отчаяния. Остались прикрывать отход товарищей.

- Прямо триста спартанцев! Это же фашисты, – презрительно скривилась Маленькая.

– Ну а как же. Фашисты, демократы, коммунисты, анархисты... Все ведь люди. Разные. Свои герои у них, свои ценности, свои антигерои. Ты за этим барханом видишь фашистов, нелюдей, упырей. А я, при всей ненависти к нацизму как таковому, вижу там простых парней, которые не побоялись приближения танков Монтгомери и остались прикрывать отступление своих боевых товарищей. При этом прекрасно понимая, что задержат врагов максимум на полчаса. Но все же остались. Фашисты – это те, кто их сюда, в адские пески, заслал подыхать. Подумай-ка об этом на досуге. А досуг...

Он замолчал на полужестком, прислушиваясь.

*И в моей каморке тоже он цветет —
Тот цветок вереска.
На меня, стемнеет или рассветет,
Смотрит, как Эрика.
А потом вдруг словно упрекнет:
«Вспомни, что тебя невеста ждет.
Там вдали она тоскует по тебе,
Слезы льет Эрика!..*

К разговорам немецких солдат и бравурной мелодии знаменитой маршевой песни «Эрика», лившейся из репродуктора патефона, вдруг добавился еще один звук. Отдаленное гудение десятков моторов.

- Томми!³ – крикнул один из немцев.
- Auf Positionen!⁴ – четко распорядился кто-то из них, по-видимому, офицер.

Пришло время говорить пушкам, а не музам. Два оружейных выстрела слились в один.

В ответ пустыня вокруг укрепленной площадки украсилась «цветками» из песка и пыли, поднятыми британскими снарядами.

Маленькая и Большой, не найдя ничего лучшего, метнулись к стаду и спрятались среди верблюдов.

- Ну и запашок... Давай отвязываем – и прочь отсюда, прочь!
- погоди, погоди. Спесивые бритты едва нас завидят, прихлопнут не задумываясь. Потому что примут за убегающих роммелевских солдат. Так что разумнее было бы остаться и молиться всем известным богам. И неизвестным тоже.

Они уселись на горячий песок, прислонившись спинами к косматым бокам пустынных кораблей. Прилегшие верблюды отнеслись к новоявленным соседям с присущим только им стоицизмом...

Время, как известно, течет всегда одинаково. Однако, если человек кого-то или чего-то ждет, его восприятие начинает сомневаться в непреложности этой максимы. Вот и сейчас минуты для напарников текли подобно десяткам часов. Им оставалось только ждать, ждать, ждать... И надеяться.

А двусторонний обмен оружейными выстрелами все продолжался.

³ Томми (разговорн.) – так называли англичан немцы, аналогично тому как советские звали немцев «фрицы» или «гансы», а французы – «боши».

⁴ На позиции! (нем.)

– Nicht kapitulieren! – верещал немецкий командир. – Feuer! Feuer, Schwitzeren!⁵
– Himmelherrgottsakramenthalleluja-amileckstama-a-a-a-a-arsch!!! – на едином выдохе проорал кто-то из фрицев страшнейшее ругательство, истинный вопль души, и принялся садить из пулемета длинными очередями.

– Пила Гитлера, – негромко прокомментировал Большой.

– Какая пила?..

– Пулемет MG-42. Так его прозвали. Страшная штука, мощная, скорострельная, надежная. Даже спустя много десятилетий кое-где на вооружении состоял...

– Вот как... Слушай, ты рассчитываешь сдать британцам?

– Только сообразила? Представимся французскими разведчиками, сбежавшими из немецкого плена. Скажем, что у нас есть какие-то немецкие секретные данные.

– А потом?

– Потом по обстановке. Выкрутимся как-нибудь и удерем.

Раздался громкий треск, и артиллерия немцев замолчала.

– Эрвин, патронен! Страйфен! А-а-а!

Пулеметчик был серьезно ранен, но продолжил стрелять.

– Вот он, триумф воли, – сказал Большой. – Хорошие воины эти германцы. Под стать нашим были. Достойные противники, только вот с вождями им фатально не везло... Да и нашим тоже. – Он посмотрел на девушку и добавил с кривой усмешкой: – О ваших промолчим.

Она хотела что-то ему ответить, даже рот приоткрыла, но... сочла благоразумным действительно промолчать.

Рокот танков раздавался уже совсем близко. Со стороны немецкой позиции слышались одиночные выстрелы. Пехота Ее Величества великобританской Королевы добивала выживших.

Рядом с человеческо-верблюжьей компанией остановился джип. Прибывшие пехотинцы взяли верблюдов и двоих людей в кольцо и держали под прицелами. Человек в джипе заговорил на языке Гете и Шиллера.

– Нихт ферштейн, – ответил ему Большой, отрицая, что в достаточной степени понимает немецкий, и добавил на языке Шекспира и Диккенса: – Хвала господу, мы в безопасности!

– Кто вы?! – удивленно спросил по-английски человек, пытавшийся говорить с ними на «дойче шпрахе».

– Мы разведчики из французского Соппротивления. Действовали в Алжире, попались гитлеровцам, сбежали, потом опять попались... Долго рассказывать, – складно врал Большой, приветливо улыбаясь во все наличные зубы. – Мы располагаем важными сведениями и с радостью предоставим их вам. Только помогите нам добраться до вашего штаба. – И для убедительности добавил на языке Мольера и Мопассана: – Ох, господа союзники, как же мы вам благодарны за спасение из лап кровожадных бошей!

Офицер Ее Величества кивнул и поправил фуражку. Из джипа он так и не соизволил выбраться.

– Поедете в танке. Уоллкрофт! Распорядись. И пусть их сначала обыщут.

Во время обыска Большой ехидно ухмыльнулся краешком губ. Пистолет он предусмотрительно разобрал и рассовал части, механизмы и патроны по складкам экипировки – сразу и не найдешь. Наконец-то «сопротивленцев» проводили к горячо дышавшему дизельными парами «шерману». Напарник, как истинный кавалер, помог девушке взобраться на броню стального монстра. Люк был уже гостеприимно распахнут.

Вслед за напарницей он и сам вскарабкался на броню.

⁵ Не сдаваться! Огонь! Огонь, тусы! (нем.)

– Дамы вперед, – громко сказал он младшей. – И пробормотал себе под нос, чтобы слышала только она: – Какой милый джентльмен этот британский капитан, даже рюкзаки разрешил оставить...

Маленькая понимающе глянула на него и сняла свою поклажу. Поставила рядом с люком и нырнула в пахнущее горячим металлом и соляжкой нутро танка.

– Милая, принимай груз! – сказал Большой и сунул в проем люка ее рюкзак.

В ответ – молчание. И ничьи руки не приняли груз изнутри.

Он отпустил лямку рюкзака, понадеявшись, что тяжелый мешок никому на голову не рухнет.

– Что за чертовщина?! – невольно вырвалось у него.

Звук падения мягкой тяжести на металл не было. Изнутри вообще никаких звуков не доносилось.

Большой быстро оглянулся по сторонам. Британцы-победители занимались своими делами и пока что не обращали внимания на «французов».

Проем люка темнел перед Большим. Темнел. Никакой клубящейся серости и в помине не...

– Не было печали, так черти накачали, э-э-эх, – с чувством выразившись по-русски, тяжело вздохнул он и полез в темноту, впереди себя просовывая свой рюкзак.

Не имея ни малейшего понятия, встретит ли свою напарницу там, по ту сторону, или тьма неизвестности вдруг решила коварно отобрать ее у него.

=10=

*«...тринадцать=восемь=шесть=две=три=
четыре=девять=тридцать три=пятнадцать=*

И я привыкал к одиночеству. Куда денешься-то. Я иногда не выдерживал боли и подвывал, забившись в уголок Бункера, а бывало – хватался за «кольт», в приступе запредельного отчаяния засовывал ствол в рот... Но я до сих пор влачу. Да, именно влачу. Очень подходящее слово, всплывшее из глубин памяти не зря, не потому, что меня опять потянуло на пафос, на всяческие словесные красоты... Я, как ни прискорбно это признавать, еще не способен одолеть инстинкт самосохранения. Как ни пытался его побороть, но... Я не хочу так жить, однако не могу умереть. Разве что случайно. А пока у меня имеются в запасе пища и вода, я не вылезу за Частокот и с голоду не помру. Честно говоря, жаль... По крайней мере не пришлось бы делать выбор.

Надежда умирает последней, так, да?

Получается, во мне она еще жива? Но, собственно, на что мне надеяться? Вопросец тот еще. То-то и оно.

Когда чего-то хочешь, надо быть всегда готовым нарваться на практическое подтверждение грустной истины: бойтесь заветных желаний, иногда они исполняются. Пожелав что-то, не обессудь, если исполнившееся оказалось «каким-то не таким». И в лучшем случае лишь отдаленно похоже на желаемое.

Сходя с ума от одиночества, а не от страха, я пуще всего хотел, чтобы одиночество сгнуло.

И дождался.

Было так...

Я настолько притерпелся к одиночеству, что не сразу осознал: там, снаружи, звучит человеческая речь! Поэтому, когда услышал ее, не сразу и отреагировал. Вначале застыл. Не веря ушам. Неужели от вселенского одиночества слуховые галлюцинации появились?! Ведь этого просто не могло быть!!!

Но – было.

И к тому же я услышал родную речь, а не какой-нибудь англиш, хинди или суахили!..

«...слева заходь, сле-ева-а-а! Мать твою за ногу, волосья!!! За волосья хвата-а-ай!!!» – продолжал орать за Частоколом надсаженный голос.

«Или я сбрендил, или умом тронулся – одно из двух наверняка», – мрачно изрек я надтреснуто-хриплым голосом. Неудивительно, сколько уж времени фактически вслух не разговаривал, изменив привычке. Когда я нашел цифровой диктофон, у меня выработалась бесполезная привычка озвучивать, фиксировать происходящее и мысли по поводу, будто этот аудиоряд кому-то мог когда-нибудь понадобиться... Хрипло высказавшись, глубоко вдохнул, задержал воздух в груди, шумно исторг его и уронил на пол пульт дистанционного управления видаком. Подхватился, едва не опрокинув стол, и метнулся к выходному люку Бункера...

«О-о-о-оп! Рэ-э-эйн! Съе-эрра нэва-ада!..» – вопил мне в ответ второй голос. И – выстрел. Да что же там происходит, черт подери?!

То по-русски орут, то на английском... Интернациональная компашка пожаловала, надо же. Вроде нашего бывшего «коллективного хозяйства»...

Подскочив к ящику, я схватил предпоследнюю гранату, выдернул из кобуры верный «кольт» сорок пятого калибра, оставленный Элом в наследство, весьма полезный при нападении мелких животных – к числу коих в ЗОНЕ можно отнести и нас, хомо сапиенсов, – и во всю прыть вскарабкался по лесенке к крышке люка. Откинул ее, выскочил наружу, перевел дух. И увистел к Воротам.

Тем периодом света – жара безумствовала. Я мгновенно пропитался горячим потом насквозь, как кухонная тряпка разлитой похлебкой. Задышавшись, тормознул у Ворот, преодолев десятки метров, отделяющих Бункер от Частокола, секунды за три, чес-слово! Чтоб я с такой скоростью прыгал, если решусь когда-нибудь...

Высунул краешек глаза в щелочку между балками. Изумился не на шутку! Вполне понятно почему.

Увидел вот что. На относительно расчищенной площадке по ту сторону Ворот обнаружили трое совершенно голых мужиков немалого роста. Волосатые, как шимпанзе или как ригтон, патлатые, как заправские хиппары, они размахивали антикварными винтарями чуть ли не времен «империалистической», Первой мировой войны и носились туда-сюда, по такой-то жарнице! Ошалели, не иначе!

С завидным энтузиазмом, но бестолково до крайности, верзила эти гонялись за...

У меня даже глаза начали слезиться. От напряжения. Или я спал? Или обалдел от одиночества, или в самом деле с ума сошел и глюки поймал, приняв увиденное за реальность, реальнейшую из реальных.

Но волосатые громилы действительно пытались изловить женщину! Самую что ни на есть живую.

Хорошо помнится, в ту минуту я с ужасом подумал о том, что неужто мне вся эта роскошная картинка все-таки снится и материализация свершится во сне?! Если такое с человеком раз в жизни уже случилось, то может ведь и дважды произойти... Но во второй раз удастся ли мне обойтись без серьезных последствий для моего психологического здоровья? Я и первый-то раз едва пережил, когда во сне из нормального, привычного мира в ЗОНУ вывалился, да не в переносном, а в прямом смысле слова. Давненько это было, мое пробуждение и внезапное осознание, что наяву очутился в пекле джунглей... Но помнится, как сейчас. Началось же с того, что мне и тогда приснилось невероятное – появилась одна девушка, и... А, ладно, ну ее! Не к приближающейся тьме будь помянута.

А эта, другая девушка, умница какая, ловко увертывалась от неуклюжих ручищ преследователей. Она явно не горела желанием испытать «удовольствие». На боку у нее болтался черненький ящичек, кое-где поблескивающий никелировкой, и в ящичке том я признал вклю-

ченный на полную мощность портативный кассетник. И наконец узнал песню, извергаемую магнитофончиком. Начало тысяча девятьсот восьмидесятых годов. Мировой бестселлер, композиция «Дождь!» диско-группы «Гумбэй Дэнс Бэнд». Той самой, что еще и суперхит «Марракеш» человечеству подарила...

Надо же! Не забыл, помню еще.

Волосатые мужики орали яростно, неистово, поэтому «Рэ-эйн!», несущийся из динамиков ящичка, иногда заглушался ором. Перебивали вокал и музыку отборнейшие формулировки отечественного производства, структура которых не страдала малоэтажностью.

Признаться, слушал я столь эмоционально насыщенные фразеологизмы русского матерного языка с подлинным восхищением. Бальзам! Живительный родник! Настроение моментально превратилось из всегдашнего на тот момент похоронного в самое что ни на есть радужное. Вот что могут сотворить слова родимого наречия, после многолетнего перерыва услышанные прозябающим в одиночестве человеком...

Наблюдая с отвисшей челюстью весь этот обезьяний цирк, устроивший представление на площадке перед моими богом и ЗОНОЙ позабытыми Воротами, я пытался разрешить мучительную дилемму: кого выбрать, мужиков или девицу. Кого??? Как на духу признаюсь, в первые секунды рассматривались оба варианта. Ведь у каждого были свои плюсы и свои минусы...

Мужики для пущего ужаса палили почему зря в воздух. Боеприпасов не жалели, беспечность проявляя совершеннейшую! Впору было за голову хвататься. Они просто не понимали, где находятся... И таки дожидались, на свои непутевые жо. Шумные эти деятели новички и явно не знакомы с местной средой обитания, черт бы ее подрал... А среда специфическая, что и говорить. Чтобы ЗОНА кого-то позабыла, из виду упустила – слишком оптимистично надеяться. Очень хочется, но вряд ли...

Из джунглей с раздраженным рыком вылетела тигра и затормозила по песку, взрывая конечностями огромные буруны. Тем самым, то есть своим появлением, она совершила за меня мой выбор... Мужики остолбенели, однако совсем ненадолго. Прикинув, что к чему, хором заорали пуще прежнего и врассыпную дали стрекача.

Но, чего и следовало ожидать, тигра двумя пятнадцатиметровыми скачками настигла одного из них, улепетывающего во всю мочь, и смачно его схарчила, заглотнула в один присест. Не отходя от кассы, так сказать. У мужика того была рыжая бородаща, широкая, эдакой лопатой. Прямо-таки вылитый старовер из монографии по истории Сибири, насколько я помню фото. Миг, и нету его больше...

Да уж! От всего этого зрелища я натурально обалдел. Столько времени никакого разнообразия, все те же монстры и напасти, и вдруг – сразу целое представление, с музыкой, танцами, хоровым пением, стрельбой, погонями и мужским стриптизом. Но пришла моя очередь действовать, иначе и альтернативы-то никакой не останется. Как был здесь один, так и...

*=три=пять=шестнадцать=восемь=двадцать=тридцать
=две=пятьдесят...»*

Период «Две»

Бампер «фордовского» грузовика внезапно надвинулся на пешеходов, и они едва избежали столкновения с ним, в последнюю секунду ухитрившись отскочить в сторону. Водитель высунулся в боковое окно и несколькими точными словами высказал все, что о них думает.

Выражения лиц у прохожих были совершенно обалдевшие, но почему-то не от страха, а, наоборот, от радости. Водитель явно не понял, почему эта парочка, вывалившаяся из уличной телефонной будки и едва избежавшая столкновения с бампером, так бурно веселится. Разве что по причине избавления от возможной смерти. Мулат с пышной прической втянул голову в кабину, пожал плечами, еще раз ругнулся и поехал себе дальше развозить товары по магазинам южной оконечности самого известного и богатого в мире острова, некогда купленного у индейцев за жалкие гроши.

Драйверу «форда» было невдомек, что этим двоим и в самом деле есть чему радоваться. Ведь находились они на оживленном проспекте в городе, до боли знакомом. Это стало понятным сразу. Вдалеке, между сверкающими металлом и стеклом разномастными небоскребами, виднелся покрытый салатного цвета патиной Монумент Свободы.

– Нью-Йорк, – прошептала она со слезами на глазах, глядя на исполинскую женскую фигуру с воздетым к небу факелом.

– Именно. Давай-ка покинем оживленную улицу, малышка, пока нас никто не сбил или не забрал в полицейский участок за нарушение правил дорожного движения. В нормальном мире свои сложности, к которым надо снова привыкать... Уф-ф, мы выбрались, выбрались! – не удержавшись, экзальтированно воскликнул он.

Перебежав дорогу благополучно – все же это была не одна из центральных артерий мегаполиса, – путники юркнули в узкую щель между небоскребами.

– Как же хорошо тут, в родных каменных джунглях! Я готов расцеловать самого ужасного здешнего хищника в небритую рожу...

Порыв ветра, усилившийся в тесном «ущелье» между небоскребами, принес с собой мусор, пакеты из-под чипсов, пластиковую бутылку, еще что-то и швырнул все это в новопривывших гостей «столицы мира».

Мужчина расхохотался:

– Ха-ха-ха, ничто не омрачит наш праздник! – С этими словами он вынул из рюкзака и еще нескольких потайных местечек различные детали и в несколько быстрых движений привычно собрал из них пистолет... С оружием в руке шагнул к скоплению мусорных баков, откуда прилетели «подарочки». Крышка одного из баков была слегка приоткрыта, и в просвет изнутри внимательно смотрели чьи-то глаза. Старший из двоих гостей подошел вплотную и рывком распахнул крышку. Ударившая ему в нос волна смрада заставила мужчину отшатнуться.

В баке сидел грязный, патлатый бродяга, одетый в настоящее рубище. При живом воображении даже могло показаться, что из складок лохмотьев выглядывают насекомые.

– Какого гребаного члена вы здесь делаете?! – возмутился бездомный и добавил куда более грязные ругательства. Глянув по сторонам и убедившись, что их никто не видит, Большой поднял пистолет и ткнул стволом прямо в физиономию городского бродяги.

– Где мы находимся? – требовательно спросил аборигена новопривывший бродяга. – Как называется город? Что за страна?

– Большое Яблоко же...⁶ – промямлил оторопевший местный. – Страна... гребаные Соединенные Штаты Америки...

– Подтверждение получено! А время, время? – возбужденно спросил гость.

⁶ Big Apple (англ.) – слэнговое название Нью-Йорка.

- Время? – переспросил мусорный туземец.
- Дата, месяц, год! Говори!
- Июнь. Двадцать девятое, тысяча девятьсот семьдесят первый год.
- Ясно, – произнес Большой, спрятал оружие и обессиленно присел у бетонной стены. –

Ну, хоть в прошлом, зато дома, подумаешь, промахнулись с датировкой желания...

Рядом бухнула на асфальт свой рюкзак и опустилась на корточки его спутница. Местный бродяга вылез из бака и пристроился в паре шагов. Широкое, добродушное, хоть и чумазое лицо бездомного располагало. Его бы вымыть, подстричь, побрить, приодеть, и получился бы красавец-войка с рекламного плаката вербовочных пунктов ю-эс-эй армии...

У пришлого во фляжке оставалось немного алкоголя, и он, повинувшись порыву, решил угостить местного. Свинтив крышку, сделал глоток сам и передал емкость обитателю бака. Тот жадно выхватил, тоже глотнул и закашлялся.

– Крепкая, дерьмо... – исторг, откашлявшись. И спросил: – Курите?

– При случае, – ответил гость.

Гостя хмыкнула, но промолчала.

– Вот, держите. – С этими словами местный порывся за пазухой, извлек пачку сигарет и протянул им.

– «Мальборо» без фильтра? – удивилась почему-то девушка. – Надо же!

Прикурив от одной спички, бродяги молча сидели, пуская дымки, и думали каждый о своем.

– А почему, брат, живешь в таких условиях? Ты хиппи?

– Какой хиппи! – отмахнулся абориген. – Ранен был во Вьетнаме, а после оказался не нужен своей стране. Не пригоден как пушечное мясо, ну и сам дурак, как говорится. А вы откуда? Так внезапно появились...

Большой вкратце пересказал местному их злоключения. Доля правды в рассказе была, но от силы процентов двадцать.

– Срань господня! – только так и смог прокомментировать рассказ городской бродяга. И уточнил, наверное, чтобы удостовериться, что ему все это не послышалось: – Вы сбежали из какой-то гребаной зоны, в которую вас засунули инопланетяне?!

– Как-то так! – разулыбался пришлый. Кривоватая улыбочка его младшей напарницы выглядела более сдержанной, но в глазах у нее стыли слезы, и это вовсе не было горестным плачем...

Последние капли спиртного были употреблены. Последняя сигарета выкурена. Знакомцы сидели и глядели на небо, синее вечное небо в оковах высотных зданий. Они никуда пока что не торопились. Им просто не хотелось никуда торопиться. И они бы вот так, расслабленно, сидели и сидели. Как вдруг...

На небосклоне появилась яркая точка. Стремительно перемещаясь, она разрасталась в пятнышко и приближалась. Вот скрылась за мощным корпусом небоскреба Эмпайр-Стэйт...

Миг спустя там, за ним, возшло второе солнце.

– Русские пришли, – на удивление спокойно произнес ветеран войны. – Что ж, мы сами виноваты.

Прятаться, как-то пытаться спастись от адского огня бродяга не торопился. Он просто сидел и смотрел на Пришествие Бомбы.

Девушка вскочила, в глазах ее стыл ужас, мгновенно сменивший радость. Большой уже стоял на ногах и пристально рассматривал, но отнюдь не вспухающий над небоскребами Конец Света, а вереницу мусорных баков. Пара мгновений понадобилась ему, чтобы принять решение, и он толкнул напарницу к одному из вместилищ отходов цивилизации, которой через считанные секунды предстояло кануть в небытие.

– Третий слева! Двигай туда!!! – приказал девушке. – Прячься, брат, сейчас ударная волна дойдет! – сразу же после этого крикнул он местному ветерану, схватил рюкзаки и ринулся за ней.

Отставая на шаг, подбежал к баку, сбросил поклажу в его темное зловонное нутро, туда, где уже исчезла младшая, и запрыгнул в квадратное отверстие сам.

* * *

...Они разговаривали, сидя на искореженных конструкциях внутри проржавевшего острова, который некогда был чем-то вроде автобуса. Угодив сюда сквозь мусорный бак и дверной проем у бывшего места водителя автобуса, они пока что не торопились двигаться дальше. Ничего особенно опасного вокруг не наблюдалось, все гибельные страсти в этом краю явно уже отбушевали давным-давно, оставив после себя могильник цивилизации, простиравшийся во все стороны до линии горизонта. Быть может, где-то в его недрах и теплилась уцелевшая жизнь, но искать ее не было целью скитальцев.

– Обманула темнота в танковом люке... Не разлучила нас, но заманила, соблазнила обманкой... Это был не наш мир. Мы с тобой хоть и в разные периоды родились, но жили и попали в Зону уже после семидесятых годов. И никаких атомных войн в тот период не было, к счастью. Уж наш-то мир от перехода в постапокалипсис, тьфу-тьфу-тьфу, боги миловали... По крайней мере до конца столетия, ты уж мне поверь.

– Получается, любая дверь может оказаться... непростой? Выйти можно не только там, где просверкивает на мгновение картина иного...

– Я же тебе говорил, возможно все. И почему-то самая нежелательная возможность чаще всего реализуется с большей вероятностью. Закон подлости, если ты понимаешь, о чем я... Просто будем знать, что нужные двери не обязательно выглядят как проемы, затянутые серой дымкой. И ступив в любую из дверей, никогда не знаешь, окажешься ли там, куда ступал...

– Понимаю. С того момента, как я открыла глаза в Зоне, вокруг только и наблюдаю последствия этого... законодательного решения.

Большой хмыкнул и искоса глянул на свою младшую партнершу.

– За одним исключением, – поспешно добавила она, заметив его косой взгляд. – Я встретила тебя.

– Хотел бы я и сам свято верить в то, что на самом деле исключение... Ну что же, идем поищем правильную дорогу. Хотя я пока что не представляю, где и что искать. Хорошо, если знакомый серенький туман подвернется, а если нет... в каком темном провале искать? Или, может, для разнообразия это будет световое пятно...

– Ты не представляй, а ищи. С нужным баком у тебя лихо получилось.

– И главное, очень кстати... Нам повезло, что выход оказался поблизости.

– Как думаешь, что с тем ветераном случилось?

– Без вариантов. Уж ему-то не придется отвесть прелестей постатомных реалий. Как и миллионам... э-э, нью-йоркеров того мира, которых накрыл эпицентр апокалипсиса.

– Сами виноваты... – задумчиво повторила девушка слова ветерана, которого его демократическое донельзя государство отправило на помойку.

– Все одним миром мазаны, – жестко отрезал мужчина. – И те, кто бомбу бросит, и те, кто под ней окажется.

=11=

«Сунув «кольт» за пояс, я перебросил гранату из правой руки в левую и ударом кулака выбил стопор из бруса, запиравшего Ворота...

В ЗОНЕ единственный универсально действующий закон: спасайся кто может и как может. Рассчитывать на чью-либо благотворительную акцию по твоему спасению не приходится. Но... мы все-таки люди. Даже здесь. По крайней мере лично я считаю себя человеком, в моем понимании. Или это у меня стадный инстинкт? Ну что ж, тогда я, как оставшаяся без отары овечка... баран то есть, потому что лишь глупый баран может рискнуть своей шкурой ради призрачного шанса избавиться от одиночества... был бы вовсе даже не прочь увеличить поголовье стада...

Она кусалась и царапалась, но мне было особенно и некогда раскланиваться и объясняться. Тигра орудовала в опасной близости, а эта тварюка слишком быстрая, чтобы строить из себя воспитанного джентльмена и обращаться с дамой по всем правилам этикета.

Внутри Частокола я перевел дыхание и быстренько запер Ворота, восстановив иллюзорную закрытость Дома от ЗОНЫ. Там, снаружи, за Воротами густое желе безумной жары вспорол вопль. Третий вопль. Третьей по счету жертвы, настигнутой полосатым чудищем. Ну что же. Голозадым мужчинам с винтарями я не помог бы в любом случае, теперь-то уж стало ясно. При всем моем радушии, обусловленном тоской по обществу себе подобных, не думаю, что подружился бы с ними. Тем более когда у порога Дома нарисовалась прекрасная альтернатива грязным, вонючим, заросшим густым волосом мужикам...

Выглянув в смотровую щель, я увидел, как тигра уносит бесформенный кус мяса, истекающий кровью. Потасила в джунгли. Самка, ясное дело. Накормит личинку и вернется по мою плоть... Мою и этой, как ее... Гости, одним словом. Заблудшей овечки. А черно-оранжевые сучары эти, между прочим, все – самки. Насколько я просек. И у всех личинки. Мамочки заботливые, это да. Абсолютно не ясно, как они оплодотворяются.

Но и мы тоже не вчера родились, как говорится...

Едва успел отпрыгнуть от Ворот. Ба-амм-мц! Камень бабахнул в листовую бронесталь, срикошетил к моим ногам. Ворота загудели, я – в шоке. А эта ярая, ч-черт, воительница уже хватанула второй булыжник. Пролетариатка, чтоб ее...

Я заорал ей, чтоб вернула кирпич на место, дура, взад положи!!!

Она не соизволила послушаться доброго совета. Метнула вторую каменюку мне прямо в лицо, неблагодарная! Но не попала в цель. Чего и следовало ожидать. Хрена бы я выжил в ЗОНЕ, если бы не научился вовремя башку втягивать в плечи, когда пресловутая женщина в белом лезвием своей косы свистит у самой моей головы... Спасенная от мужиков и тигры, любительница диско-музыки затравленно огляделась и вдруг оцепенела. Будто пыльным мешком вдаренная, застыла неподвижно, прямо как статуя в парке.

Это она увидела зеленую равнину за Рубежом, увидела краешек заходящего за Рубежом солнышка. Узрела свет, мелькнувший в проеме выхода, приоткрывшегося на прыжковую секунду...

И тут гостя преподнесла сюрприз. Самый неожиданный из возможных, поэтому я ошалел, тормознулся и едва не опоздал. Чего-чего, а такого молниеносного рывка не ожидал, понятное дело! Превращение разъяренной фурии в парковую скульптуру было вполне обоснованным, но... Словом, ка-ак припустила она к Рубежу, только пятки засверкали! Образно выражаясь. Хотя ну его к чертям, образ такой.

Я догнал бегущую в последний миг, буквально в паре шагов от Рубежа. Так вот. Ну и дурища, надо же! Но быстрая, прямо тигра, черт бы ее... И откуда она такая пряткая здесь взялась, ума не приложу. Зато рад я, рад несказанно, аж сердце из груди выпрыгивает!.. И то, что пришлось мощно спуртовать, выложиться по полной, было здесь ни при чем.

Однако осмыслил я все это гораздо позже. И всяческие выводы сделал уже потом. А в первые секунды знакомства, перехватывая шустрюю «овечку» в преддверии Рубежа, я на бегу успел подумать о том, что – фиг ей! Тоже еще, заговоренная выискалась! Нашлась особая! Принцесса, а как же. Прыгунья недоделанная! Все мы тут джамперы доморощенные... Уви-

дим зарубежную идиллию – и все, готовенькие. Ножки чешутся попрыгать! А не желаете ли, сударыня, индейское национальное жилище – фигвам?..

Догнав, я схватил беглянку за куда попало и свалил наземь. И сразу же из моей головы напрочь вылетели все четкие, связные мысли... Ощувив под собой живую упругую плоть, тело среагировало естественным образом, и меня пронзило острейшее, дичайшее желание, о-о-ох... Скрежеща зубами, я отвалился, вскочил, хватанул девушку за ноги и поволок подальше от Рубежа, от греха.

Она брыкалась, дергалась, шипела, но я остервенело тащил ее к Бункеру. Дотащив, ударом сапога распахнул крышку люка, толкнул в гостеприимный проем – единственный такой на всю ЗОНУ, быть может! – быстрым взглядом окинул внутреннее пространство Дома, от Частокола до Рубежа; спрыгнул в люк и наглухо закупорил за собой крышку. Уф-ф-ф. Прискакали. Счастливый финиш, ч-черт возьми. Вот и славненько.

Девчонка отползла в угол, забилась, закоконилась в свою враждебность и затравленно-ненавидяще вытаращилась на меня. Несложно представить, каким несусветным уродом я выглядел в ее глазах...

Громким и спокойным тоном посоветовал ей, чтоб вырубил музыку, уши лопаются. Кассетник-то выключать некогда было, так она и исполняла свой забег к Рубежу смерти под веселенькую диско-музычку.

Говорил я по-английски. И попал «в такт». Она поняла и даже выполнила. Я включил вторую лампу и присел за стол. Внутри Бункер поразительно смахивал на кубрик какого-нибудь там морского корабля, бороздящего водные просторы не здесь, а где – понятия не имею. Извечный вопрос: что такое ЗОНА и где она имеет честь обретаться? Ч-черт, то есть имеет бесчестье. Не стоит даже косвенно упоминать о чести применительно к сути и духу сконцентрированных здесь постапокалиптических...»

* * *

Этот мир утратил краски. Сам по себе или по чьей-то воле он стал совершенно бесцветным и признавал лишь один основополагающий тон – серый. Его оттенки превратились в частности целого. Серое обложенное тучами небо, серый бетон, серый асфальт, серый воздух...

Серые люди сидели у стены полуразрушенного серого здания, обреченно понурились головы. Женщины. Дети. Немногочисленные мужчины с посеревшими лицами и покрытым серою пылью оружием в руках. И разделяющие тоску хозяев собаки сплошь серой масти. Эти псы не лаяли, а лишь тоскливо поскуливали.

Он и она наблюдали за происходящим внизу из окна многоэтажки напротив. Девушка уже хотела было покинуть помещение и направиться к людям, но мужчина отговорил ее, прислушавшись к своему чутью, усиливавшемуся с каждым переходом... И очень своевременно. Улица внезапно наполнилась шумом автомобильных двигателей. Из выехавших в переулок шести крупных машин организованно, четко высадились хорошо экипированные, вооруженные люди. Серый цвет их формы был темного, насыщенного оттенка.

Он почти понял, что сейчас произойдет, поэтому бросился к напарнице, на ходу показывая жестами, чтобы она сохраняла молчание. Схватил за руку и оттащил в глубь темной комнаты. Где и присел в углу, сжимая девушку в крепких объятиях... А внизу уже бушевала ураганная перестрелка. Очереди, длинные и короткие, извергаемые различными видами огнестрельного оружия, крики и команды, вопли и стоны раненых и агонизирующих... Все это сливалось в зловещую симфонию, где дирижером была сама Смерть.

Постепенно стрельба начала утихать. Ей на смену пришел многоголосый женский плач, которому вторил вой собак. И... одиночные выстрелы. После каждого из них хор обреченных становился тише еще на один голос.

Девушка содрогнулась и зашлась в почти беззвучном рыдании, уткнувшись лицом в плечо партнера. В его глазах кипела, словно магма, ненависть к темно-серым, устроившим внизу расстрел. И подобно лаве, стремящейся прорваться в извержении, сея гибель вокруг, так и его ненависть жаждала и требовала выхода.

– Единственное, что нужно для торж-жества зла... это чтобы хорош-шие люди ничего не делали... – исторгла пересохшая глотка мужчины.

Он планировал отсидеться и остаться в стороне от событий очередного мира, где был всего лишь прохожим. Однако после того как с его губ сорвалась эта цитата, мужчина отстранил девушку и вскочил, полный решимости. Сбросил с плеч рюкзак, отрывисто бросил младшей: «Оставайся здесь!» – и, судорожно сжимая ребристую пистолетную рукоять, выбежал из комнаты.

По лестнице спускался уже не бродяга в грязном, некогда черном комбинезоне и потертой, исцарапанной куртке, что по инерции брел в неизвестность. Это снисходил ангел смерти, несущий заслуженное возмездие грешникам, более чем отчетливо знающий, куда направляется. Заслышав рокот моторов и визг покрышек колес, он заторопился, но... было уже поздно. Машины с карателями отъезжали.

Комната, в которой путники вышли после очередного перехода, счет которым уже был ими потерян, находилась слишком высоко. Спонтанный мститель не успел спуститься вниз с одиннадцатого этажа. Оказавшись на улице, он увидел только удалявшиеся прочь машины с убийцами...

Слева послышался сдавленный хрип. Пришлый развернулся и шагнул туда. Изможденный длинноволосый мужчина, кашляя и сплевывая кровь, из последних сил пытался выцелить отъезжавших карателей из реактивного гранатомета, но уже не мог твердо удерживать оружие в руках. Путник подхватил «трубу», принял ее из слабеющих пальцев, вскинул на плечо, прицелился...

И опустил гранатомет. Не послал огненный заряд вслед убийцам.

Потому что – он очнулся. Праведный гнев схлынул, и взамен переполнила горечь безысходности. Он просто не имел права стрелять. Не потому даже, что там, наверху, его ждала ведомая, ответственность за которую стала его долгом, возложенным на себя добровольно. Не потому даже, что этот выстрел был всего лишь актом отчаяния и особого вреда убийцам не нанес бы. И даже не потому, что каратели могли вернуться и в отместку добить всех, кто еще уцелел...

Единственным движением пальца, нажавшего спуск, можно одним ударом уничтожить главное – прервать путь. Этим выстрелом он поразил бы мишень, но цели не достиг. Фатальный выстрел предотвратило то обстоятельство, что выход в этот мир состоялся на слишком высоком этаже. Окажись он здесь раньше, столкнулся бы с убийцами в открытую, и что? С пистолетом наперевес – против множества стволов автоматического оружия?..

Да, иногда эмоции завладевают человеком быстрее, чем контроль разума. Скольких людей это привело к гибели прямым курсом. И как ни гадко было осознавать, что совершенно зря примчался сюда, – осознать придется. Урок на будущее.

Осознание всего этого отразилось в глазах и на лице человека, бессильно проводившего взглядом машины убийц.

– ...это чтобы хорошие люди ничего не успели сделать... – исторгла его иссушенная глотка.

Стараясь не смотреть на жертв расправы, человек развернулся и побрел обратно, вверх по лестнице. Хотя на самом деле ему наверняка теперь казалось, что вверх он подымался не сейчас. Ввысь устремился в ту минуту, когда сбегал по ней, переполненный праведным стремлением – противостоять сыгранным «музыкантам» Смерти.

=12=

«Вдоль стен Бункера в три яруса вытянулись койки, общим числом тридцать штук – пять троек слева и пять троек справа. Посередке восьмиметровой ширины прохода между рядами настенных коек – узкий длинный стол, в свое время двадцать три едока за ним преспокойно умещались, и еще место оставалось. На торцевых стенках располагаются люки и рундуки; в рундуках хранилась пища. А также две цистерны – с водой. Вообще-то Бункер квадратный, так что условно торцевыми считаются те стенки, что с люками и рундуками, а основными, так сказать, стенки с тройными шеренгами коек. Над рундуками развешено оружие и множество всякой всячины, полезных вещей. Разнообразные подспорья в трудном деле выживания в ЗОНЕ, у нее же и украденные, отвоеванные, вырванные, позаимствованные, найденные. Наши верные помощники. Вроде моего «кольта»... и так далее, и тому подобного. Вдоль стола с обеих сторон тянулись чугунные «ослоны», как я их назвал, – скамейки такие, без спинок.

Десять на десять метров, помноженные на три метра высоты, – триста кубометров как бы безопасного пространства. Со всех сторон ограниченного полуметровой толщины металлическими стенами оболочки, сработанной из неведомого сплава. И это ограниченное безопасное – я упорно так думаю о статусе внутренности Бункера! – пространство врыто в почву глубоко, над ее поверхностью выступает всего лишь чуточку, не более четвертинки метра. Вот что такое Бункер. Неведомое нечто, к нашему счастью, забыло этот громадный бак в непосредственной близости от Рубежа, который мы звали «своим». И мы обжили внутренность металлической конструкции. Уже много тьма-светов я прозябаю в нем один-одинешенек, скрашивая малахитовую тоску бесконечным видеосеансом, и не забочусь о поддержании чистоты. Поэтому внутри не прибрано, мягко выражаясь. Бардак выдержанный, застарелый, с толстыми слоями пыли, высохшими потеками жира и прочими прелестями одинокого мужского существования.

Смахнув со стола обглоданные косточки, я проворчал: «Нечего там в углу торчать, когда в гости пригласили. Вылезай, присаживайся, побеседуем. Ты понимаешь меня?»

Говорил, естественно, на английском.

Она не ответила.

Ну что ж. Я откровенно, в упор, разглядывал ее. Выражение лица неожиданной компаньонки напоминало застывшую маску восточного идола, олицетворяющего Зло. Но я ни на миг не допускал, что она такая уж крутая. Просто боится. Боится очень, очень, очень, и я это уловил. Хотя по лицу этого было не сказать. Судя по стоически бесстрастному выражению, слопала бы меня с косточками и не подавилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.